

КАРЕЛО-ФИНСКИЙ ЭПОС

КАЛЕВАЛА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Элиас Лённрот Калевала

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140022
Калевала. Карело-финский эпос: Карелия; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-150236-2*

Аннотация

Кропотливо собиравшийся много лет известным финским фольклористом Элиасом Лённротом, этот эпос вызвал в международном сообществе ученых-фольклористов до сих пор не прекратившуюся войну между сторонниками и противниками Лённрота, упрекавшими собирателя в произвольном составлении текстов, их «причесывании» и прочих профессиональных грехах. Однако академические споры уже не могли остановить победоносного шествия «Калевалы» по миру – на ее основе писали пьесы, оперы и балеты, ее иллюстрировали знаменитые художники и переводили на ведущие языки мира, по ней снимали фильмы, мультфильмы и сериалы, а в Финляндии и Карелии в ее честь учреждены национальные праздники.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Руна первая	5
Руна вторая	19
Руна третья	34
Руна четвертая	56
Руна пятая	76
Руна шестая	86
Руна седьмая	95
Руна восьмая	109
Руна девятая	120
Руна десятая	142
Руна одиннадцатая	162
Руна двенадцатая	178
Руна тринадцатая	197
Руна четырнадцатая	208
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Элиас Лённрот
Калевала
Карело-финский эпос

* * *

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Руна первая

1. Вступление (1–102).

2. Дочь воздуха опускается в море, где, забеременев от ветра и воды, становится матерью воды (103–176).

3. Утка свивает гнездо на колене матери воды и кладет там яйца (177–212).

4. Яйца выкатываются из гнезда, разбиваются на кусочки, и кусочки превращаются в землю, небо, солнце, луну и тучи (213–244).

5. Мать воды сотворяет мысы, заливы, берега, глубины и отмели моря (245–280).

6. Вяйнямйнен рождается от матери воды и долго носится по волнам, пока, наконец, не достигает суши (281–344).

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
⁵ Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.
На устах слова уж тают,
Разливаются речами,
На язык они стремятся,

¹⁰ Раскрывают мои зубы.
Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.

¹⁵ Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлись!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,

²⁰ В крае севера убогом.
Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,
Песни славные споем мы,
Начиная с самых лучших;

²⁵ Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.
Я собрал все эти речи,

³⁰ Эти песни, что держали
И на чреслах Вяйнямёйнен,
И в горниле Ильмаринен,
На секире Каукомьели,
И на стрелах Ёукахайнен, —

³⁵ В дальних северных полянах,
На просторах Калевалы.
Их певал отец мой прежде,

Топорище вырезая;
Мать меня им научила,
40 За своюю прялкой сидя;
На полу тогда ребенком
У колен их я вертелся;
Был я крошкой и питался
Молоком еще, малютка,
45 Пели мне они о Сампо
И о чарах хитрой Лоухи,
И старело Сампо в песнях,
И от чар погибла Лоухи,
С песней Випунен скончался,
50 В битве умер Лемминкяйнен.
Слов других храню немало
И познаний, мне известных:
Я нарвал их на тропинке,
Их на вереске сломал я,
55 Их с кусточков отломил я,
Их набрал себе на ветках,
Их собрал себе я в травах,
Их я поднял на дороге,
Пастухом бродя по тропкам,
60 И на пастбищах мальчишкой,
Где луга богаты медом,
Где поляны золотые,
Вслед за Мурикки-коровой
И за пестрой идя Киммо.
65 Насказал мороз мне песен,

И нанес мне песен дождик,
Мне навеял песен ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
⁷⁰ Речи дали мне деревья.
Я в один клубок смотал их,
Их в одну связал я связку,
Положил клубок на санки,
Положил на сани связку
⁷⁵ И к избе привез на санках,
На санях привез к овину
И в амбаре под стропила
В медном ларчике их спрятал.
Долго песни на морозе,
⁸⁰ Долго скрытые лежали.
Не убрать ли их с мороза?
Песен с холода не взять ли?
Не внести ль ларец в жилище,
На скамью сундук поставить,
⁸⁵ Под прекрасные стропила,
Под хорошей этой кровлей;
Не открыть ли ларчик песен,
Сундучок, словами полный,
За конец клубок не взять ли
⁹⁰ И моток не распустить ли?
Песню славную спою я,
Зазвучит она приятно,
Если пива поднесут мне

И дадут ржаного хлеба.

⁹⁵ Если ж мне не будет пива,

Не предложат молодого,

Стану петь и всухомятку

Иль спою с одной водою,

Чтобы вечер был веселым,

¹⁰⁰ Чтобы день наш был украшен

И чтоб утренним весельем

Завтра день у нас начался.

* * *

Я, бывало, слышал речи,

Слышал, как слагались песни.

¹⁰⁵ По одной идут к нам ночи,

Дни идут поодиночке —

Был один и Вяйнямёйнен,

Вековечный песнопевец, —

Девой выношен прекрасной,

¹¹⁰ Он от Ильматар родился.

Дочь воздушного пространства,

Стройное дитя творенья,

Долго девой оставалась,

Долгий век жила в девицах

¹¹⁵ Средь воздушного простора,

В растянувшихся равнинах.
Так жила – и заскучала,
Странной жизнь такая стала:

Постоянно жить одною

¹²⁰ И девицей оставаться

В той большой стране воздушной,
Средь пустынного пространства.

И спустилась вниз девица,

В волны вод она склонилась,

¹²⁵ На хребет прозрачный моря,

На равнины вод открытых;

Начал дуть свирепый ветер,

Поднялась с востока буря,

Замутилось море пеной,

¹³⁰ Поднялись высоко волны.

Ветром деву закачало,

Било волнами девицу,

Закачало в синем море,

На волнах с вершиной белой.

¹³⁵ Ветер плод надул девице,

Полноту дало ей море.

И носила плод тяжелый,

Полноту свою со скорбью

Лет семьсот в себе девица,

¹⁴⁰ Девять жизней человека —

А родов не наступало,

Не зачатый – не рождался.

Мать воды, она металась

То к востоку, то на запад,
145 То на юг, а то на север
И ко всем небесным странам,
Тяжко мучимая болью,
Полнотой в тяжелом чреве —
А родов не наступало,
150 Не зачатый – не родился.
Тихо стала дева плакать,
Говорить слова такие:
«Горе мне, судьбой гонимой,
Мне, скиталице, бедняжке!
155 Разве многого достигла,
Что из воздуха я вышла,
Что меня гоняет буря,
Что волна меня качает
На морской воде обширной,
160 На равнинах вод открытых.
Лучше б в небе на просторе
Дочкой воздуха осталась,
Чем в пространствах этих чуждых
Стала матерью воды я:
165 Здесь лишь холод да мученья,
Тяжело мне оставаться,
Жить, томясь, в холодных водах,
По волнам блуждать бессменно.
О ты, Укко, бог верховный!
170 Ты, всего носитель неба!
Ты сойди на волны моря,

Поспеш скорей на помощь!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева!

¹⁷⁵ Поспеш, не медли боле,
Я в нужде к тебе зываю!»
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Вот летит красотка утка,
¹⁸⁰ Воздух крыльями колышет,
Для гнезда местечка ищет,
Ищет места для жилища.
Мчится к западу, к востоку,
Мчится к югу и на север,
¹⁸⁵ Но найти не может места,
Ни малейшего местечка,
Где бы свить гнездо сумела
И жилище приготовить.
Полетала, осмотрелась,
¹⁹⁰ Призадумалась, сказала:
«Коль совью гнездо на ветре,
На волне жильё поставлю,
Мне гнездо развеет ветер,
Унесут жилище волны».
¹⁹⁵ Мать воды то слово слышит,
Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колена,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,

200 Приготовила жилище.
Утка, та красотка-птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала в синих волнах
Матери воды колено.

205 Приняла его за кочку
И сочла за дерн зеленый.
Полетала, осмотрелась,
На колено опустилась
И гнездо себе готовит,

210 Золотые сносит яйца:
Шесть яичек золотые,
А седьмое – из железа.
Вот наседкой села утка,
Греет круглое колено.

215 День сидит, сидит другой день,
Вот уж третий день проходит —
Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене:

220 Кожа так на нем нагрелась,
Словно в пламени колено
И все жилы растопились.
Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает —

225 Покатились яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море

И обломками распались.
Не погибли яйца в тине
230 И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать – земля сырая;
235 Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
240 Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.
245 И вперед уходит время,
Год вперед бежит за годом,
При сиянье юном солнца,
В блеске месяца молодого.
Мать воды плывет по морю,
250 Мать воды, творенья дева,
По водам, дремотой полным,
По водам морским туманным;
И под ней простерлись воды,
А над ней сияет небо.
255 Наконец, в году девятом,

На десятое уж лето,
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
²⁶⁰ Создавать созданья стала
На хребте прозрачном моря,
На равнинах вод открытых.
Только руку простирала —
Мыс за мысом воздвигался;
²⁶⁵ Где ногою становилась —
Вырывала рыбам ямы;
Где ногою дна касалась —
Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком —
²⁷⁰ Ровный берег появлялся;
Где земли ногой касалась —
Там лососьи тони стали;
И куда главой склонялась,
Бухты малые возникли.
²⁷⁵ Отплыла от суши дальше,
На волнах остановилась —
Созидала скалы в море
И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись, сядут,
²⁸⁰ Моряки найдут погибель.
Вот уж созданы утесы,
Скалы в море основались,
Уж столбы ветров воздвиглись,

Создались земные страны,
285 Камни ярко запестрели,
Встали в трещинах утесы,
Только вещий песнопевец
Вяйнямёйнен не родился.
Старый, верный Вяйнямёйнен
290 В чреве матери блуждает,
Тридцать лет он там проводит,
Зим проводит ровно столько ж
На водах, дремотой полных,
На волнах морских туманных.
295 Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать
На пространстве этом темном,
В неудобном, темном месте,
Где свет солнца не сияет,
300 Блеска месяца не видно.
Он сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Месяц, солнце золотое
И Медведица на небе!
305 Дайте выход поскорее
Из неведомой мне двери,
Из затворов непривычных
Очень тесного жилища!
Дайте вы свободу мужу,
310 Вы дитяти дайте волю,
Чтобы видеть месяц светлый,

Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба!»

315 Но не дал свободы месяц,
И не выпустило солнце.

Стало жить ему там тяжело,
Стала жизнь ему постыла:
Тронул крепости ворота,
320 Сдвинул пальцем безымянным,

Костяной замок открыл он
Малым пальцем левой ножки;
На руках ползет с порога,
На коленях через сени.

325 В море синее упал он,
Ухватил руками волны.
Отдан муж на милость моря,
Богатырь средь волн остался.
Пролежал пять лет он в море,

330 В нем пять лет и шесть качался,
И еще семь лет и восемь.
Наконец плывет на сушу,
На неведомую отмель,
На беслесный берег выплыл.

335 Приподнялся на колени,
Опирается руками.
Встал, чтоб видеть светлый месяц,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,

340 Поглядеть на звезды неба.

Так родился Вяйнямёйнен,
Племени певцов удалых
Знаменитый прародитель,
Девой Ильматар рожденный.

Руна вторая

1. Вяйнямёйнен выходит на пустынный берег и велит Сампсе Пеллервойнену сеять деревья (1–42).

2. Вначале дуб не всходит, но, посеянный вновь, разрастается, распространяется по всей стране и загоразживает своей листвой луну и солнце (43–110).

3. Маленький человек поднимается из моря и срубает дуб; луна и солнце опять становятся видны (111–224).

4. Птицы поют на деревьях; травы, цветы и ягоды растут на земле; только ячмень еще не растет (225–236).

5. Вяйнямёйнен находит несколько ячменных зерен на прибрежном песке, вырубает лес под паашню и оставляет только одну березу для птиц (237–264).

6. Орел, обрадованный тем, что для него оставлено дерево, высекает Вяйнямёйнену огонь, которым тот сжигает свою подсеку (265–286).

7. Вяйнямёйнен сеет ячмень, молится об его хорошем росте и выражает пожелание успеха на будущее (287–378).

Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Стал ногами на побережье,
На омытый морем остров,
На равнину без деревьев.

⁵ Много лет затем он прожил,

Год за годом проживал он
Там на острове безлюдном,
На равнине без деревьев.
Он подумал, поразмыслил,
¹⁰ Долго голову ломал он:
Кто ему засеет землю,
Кто рассыпать может семя?
Пеллервойнен, сын поляны,
Это Сампса, мальчик-крошка,

¹⁵ Он ему засеет землю,
Он рассыпать может семя!
Засевает он прилежно
Всю страну: холмы, болота,
Все открытые поляны,

²⁰ Каменистые равнины.
На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
На полянах сеет вереск,
Сеет кустики в долинах.

²⁵ Сеет он по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуху во влажной,
На местах пониже – иву,
На святых местах – рябину,

³⁰ На болотистых – ракиту,
На песчаных – можжевельник
И дубы у рек широких.
Высоко растут деревья.

Потянулись вверх побеги:

³⁵ Ели с пестрою верхушкой,
Сосны с частыми ветвями,
Поднялись по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуха во влаге;

⁴⁰ Также вырос можжевельник,
Ягоды его красивы,
Плод черемухи прекрасен.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Поднялся: хотел он видеть,

⁴⁵ Как у Сампсы сев удался,
Пеллервойнена работу.
Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый;
Только дуб взойти не может,

⁵⁰ Божье дерево не всходит.
Дал упряму он свободу —
Пусть свое узнает счастье;
Ждет затем подряд три ночи,
Столько ж дней он ожидает.

⁵⁵ Так проходит вся неделя,
Посмотреть тогда идет он:
Все же дуб взойти не может,
Божье дерево не всходит.
Вот четыре девы вышли,

⁶⁰ Вышли пять девиц из моря.
Занялись они покосом,

Стали луг косить росистый
На мысочке, скрытом мглою,
На лесистом островочке

⁶⁵ Косят луг, сгребают сено,
Все в одно сгребают место.
Тут из моря вышел Турсас,
Богатырь из волн поднялся.

Запалил огнем он сено,

⁷⁰ Ярко сено запылало,
Все осыпалось золою,
Потянулось тучей дыма.

Вот зола застыла кучей,
Пепел лег сухой горою;

⁷⁵ В пепел нежный лист кладет он,
Вместе с ним дубовый желудь.

Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной

⁸⁰ Дуб развесистый, огромный,
Дал широких веток много,
Веток с зеленью густою,
До небес вершину поднял,
Высоко он вскинул ветви:

⁸⁵ Облакам бежать мешает,
Не дает проходу тучам,
Закрывает в небе солнце,
Заслоняет месяц ясный.

Старый, верный Вяйнямйнен

90 Так подумал и размыслил:
Кто бы с силою собрался,
Кто бы дуб свалил ветвистый?
Жизнь людей идет печально,
Плывать рыбе неудобно,

95 Если солнце не блистает,
Не сияет месяц ясный.
Не нашлося человека,
Богатырь не находился,
Кто бы дуб свалил ветвистый,

100 Сто вершин его обрушил.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам слова сказал такие:

«Каве, ты меня носила,
Мать родная, дочь творенья!

105 Из воды пошли мне силы —
Много сил вода имеет —
Опрокинуть дуб огромный,
Злое дерево обрушить,
Чтоб опять светило солнце,

110 Засиял бы месяц ясный!»
Вот выходит муж из моря,
Богатырь из волн поднялся;
Не из очень он великих,
Не из очень также малых:

115 Он длиной с мужской был палец,
Ростом – в меру женской пяди.
Был покрыт он медной шапкой,

Сапоги на нем из меди,
Руки в медных рукавицах,
120 Чешуей покрытых медной,
Медный пояс был на теле,
И висел топор из меди:
С топорщиком только в палец,
С лезвием в один лишь ноготь.

125 Старый, верный Вяйнямёйнен
Так подумал и размыслил:
Видом он похож на мужа
Богатырского сложенья,
А длиной в один лишь палец,
130 Вышиной едва с копыто!

Говорит слова такие,
Молвит сам такие речи:
«Что ты, право, за мужчина,
Что за богатырь могучий?

135 Чуть покойника ты краше,
Чуть погибшего сильнее!»
И сказал морской малютка,
Так морской герой ответил:
«Нет! Я муж на самом деле,
140 Богатырь из волн могучих.
Дуба ствол пришел срубить я,
Расщепить здесь дуб высокий».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

145 «Но, как видно, ты не создан,

Сотворен не для того ты,
Чтоб сломать здесь дуб огромный,
Злое дерево обрушить».

Но едва сказал он это,
¹⁵⁰ Взор едва к нему направил:

Как малютка изменился,
Обратился в великана!
В землю мощью ног уперся,
Головою держит тучи;

¹⁵⁵ С бороною по колено,
Волосы висят до пяток;
Между глаз косая сажень,
Шириной штаны у бедер —
В две сажени, у коленей —
¹⁶⁰ В полторы, у пяток – в сажень.

Великан топор свой точит,
Лезвие острит острее
На шести кусках кремневых,
На семи точильных камнях.

¹⁶⁵ Вперевалку зашагал он,
Тяжкой поступью затопал,
Он шагал в штанах широких,
Развевавшихся от ветра.

С первым шагом очутился
¹⁷⁰ На земле песчаной, рыхлой,
Со вторым он оказался
На земле довольно черной,
Наконец, при третьем шаге,

Подошел он к корню дуба.

¹⁷⁵ Топором он дуб ударил, —

Лезвием рубил он гладким.

Раз ударил и другой раз,

В третий раз он ударяет;

Искры сыплются с железа,

¹⁸⁰ А из дуба льется пламя;

Гордый дуб готов склониться,

Вот уж громко затрещал он.

И вот так при третьем взмахе

Смог он дуб свалить на землю,

¹⁸⁵ Смог сломать он ствол трещавший,

Сто верхушек опрокинуть.

Положил он ствол к востоку,

Бросил к западу верхушки,

Раскидал он листья к югу,

¹⁹⁰ Разбросал на север ветки.

Если кто там поднял ветку,

Тот нашел навеки счастье;

Кто принес к себе верхушку,

Стал навеки чародеем;

¹⁹⁵ Кто себе там срезал листьев,

Взял для сердца он отраду.

Что рассыпалось из щепок,

Из кусочков что осталось

На хребте прозрачном моря,

²⁰⁰ На равнине вод открытых,

То под ветром там качалось,

На волнах там колыхалось,
Как челнок в воде открытой,
Как корабль в волнистом море.

²⁰⁵ К Похъёле понес их ветер.

В море Похъёлы девица
Свой большой платок стирала,
Платья в море полоскала,
Там на камне их сушила,

²¹⁰ На краю большого мыса.

Увидала щепку в море;
Забрала себе в кошелку,
Принесла домой в кошелке,
Перевязанной ремнями,

²¹⁵ Чтоб колдун оружие сделал,
Заколдованные стрелы.

Только дуб свалился наземь,
Только гордый ствол был срублен,
Снова солнце засияло,

²²⁰ Засветил прекрасный месяц,

В небесах простерлись тучи,
Снова весь простор открылся
Над мысочком, скрытом мглою,
Над туманным островочком.

²²⁵ Густо рощи разрослися,

Поднялись леса на воле,
Распустились листья, травы,
По ветвям порхали птицы,
Там дрозды запели песни

230 И кукушка куковала.

Вышли ягоды из почвы
И цветочки золотые;
Разрослись густые травы
И цветами запестрели.

235 Лишь один ячмень не всходит
И не зреет хлеб прекрасный.

Старый, верный Вяйнямёйнен
К морю синему подходит
И у моря размышляет,

240 На краю воды могучей.
Там шесть зернышек находит,

Семь семян он поднимает
С берега большого моря,
С отмели песчаной, мягкой;

245 Спрятал их в мешочке куньем,
Сунул в лапку желтой белки.

Он пошел засеять землю.
Он пошел рассыпать семя

Возле речки Калевалы,

250 По краям поляны Осмо.

Вот поет синица с ветки:

«Не взойдет ячмень у Осмо,

Калевы овес не встанет,

Не расчищено там поле,

255 Там не срублен лес под пашню,

Хорошо огнем не выжжен».

Старый, верный Вяйнямёйнен

Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
260 Побросал их на поляне.

Посрубил он все деревья;
Лишь березу он оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб кукушка куковала.

265 Вот орел летит по небу,

Прилетел издалека он,
Чтоб увидеть ту березу:

«Отчего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза,

270 Стройный ствол ее не срублен?»

Вяйнямйнен отвечает:

«Оттого она осталась,
Чтоб на ней дать отдых птицам,
Чтоб орел слетал к ней с неба».

275 И сказал орел небесный:

«Хороша твоя забота,
Что березу ты не тронул,
Стройный ствол ее оставил,
Чтобы птицы отдыхали,

280 Чтоб я сам на ней садился».

И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя.

Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;

285 Обратил в золу он рощи,

В темный дым леса густые.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Все шесть зерен вынимает,
Семь семян берет рукою,
²⁹⁰ Взял из куньего мешочка,
Взял из лапки белки желтой,
Летней шкурки горностая.
Вот идет засеять землю,
Он идёт рассыпать семя.
²⁹⁵ Говорит слова такие:
«Вот я сею, засеваю,
Сею я творца рукою,
Всемогущего десницей,
Чтоб взошло на этом поле,
³⁰⁰ Чтоб росло на этой почве.
О ты, старица земная,
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста,
Дай покров из перегноя!
³⁰⁵ И земля без сил не будет,
Не останется бесплодной,
Если ей даруют милость
Девы, дочери творенья.
Ты вставай, земля, проснися,
³¹⁰ Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!
Выйдет тысяча колосьев,

Сотня веток разрастется,

³¹⁵ Где вспахал я и посеял,

Где я много потрудился!

О ты, Укко, бог верховный,

Укко, ты, отец небесный,

Ты, кто правит туч грозою,

³²⁰ Облаками управляет!

Ты держи совет на тучах,

В небесах совет правдивый!

Ты пошли с востока тучу,

Тучу с севера большую,

³²⁵ А от запада другую,

Тучу с юга побыстрее!

Ниспошли ты дождь небесный,

Пусть из тучи мед закаплет,

Чтоб колосья поднялися,

³³⁰ Чтоб хлеба здесь зашумели!»

Укко, этот бог верховный,

Тот отец небесный, мощный,

Совещанье держит в тучах,

В небесах совет правдивый.

³³⁵ Вот с востока шлет он тучу,

Тучу с севера другую,

Гонит тучу от заката,

Посылает тучу с юга;

Бьет он тучи друг о друга,

³⁴⁰ Край о край их ударяет.

Посылает дождь небесный,

Каплет мед из туч высоких,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба там зашумели.
345 Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы
Вяйнямёйнена трудами.
Вот проходит день ближайший,
350 Две и три проходят ночи,
Пробегают вся неделя,
Вышел старый Вяйнямёйнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
355 Где он много потрудился:
Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле.
Старый, верный Вяйнямёйнен
360 Осмотрелся, оглянулся.
Вот весенняя кукушка
Видит стройную березу:
«Для чего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза?»
365 Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Для того одна осталась
Здесь береза, чтоб расти ей,
Чтобы ты здесь куковала.
Ты покличь на ней, кукушка,

³⁷⁰ Пой, с песочной грудью птица,

Пой, с серебряною грудью,

Пой ты, с грудью оловянной!

Пой ты утром, пой ты на ночь,

Ты кукуй в часы полудня,

³⁷⁵ Чтоб поляны украшались,

Чтоб леса здесь красовались,

Чтобы взморье богатело

И весь край был полон хлебом!»

Руна третья

- 1. Вяйнямёйнен постигает мудрость и становится знаменитым (1–20).*
- 2. Ёукахайнен идет состязаться с ним в знаниях и, не победив, вызывает его биться на мечах; разгневанный Вяйнямёйнен песней гонит его в болото (21–330).*
- 3. Ёукахайнен, попав в беду, обещает, наконец, выдать свою сестру замуж за Вяйнямёйнена, который, смилостивившись, выпускает его из болота (331–476).*
- 4. Огорченный Ёукахайнен уезжает домой и рассказывает матери о своих злоключениях (477–524).*
- 5. Мать радуется, узнав, что Вяйнямёйнен станет ее зятем, но дочь опечалилась и начинает плакать (525–580).*

Старый, верный Вяйнямёйнен
Проводил покойно время
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы.

⁵ Распевал свои он песни,
Песни мудрости великой.
День за днем все пел он песни
И ночами распевал их,
Пел дела времен минувших,
¹⁰ Пел вещей происхожденье,
Что теперь ни малым детям,

Ни героям непонятно:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету.

¹⁵ Далеко проникли вести,
Разнеслась молва далеко
О могучем пенье старца,
О напевах богатырских,
И на юг проникли вести,

²⁰ И дошла молва на север.
В Похъэле жил Ёукахайнен,
Тощий молодой лапландец.
Как-то раз пошел он в гости,
Речи странные там слышит,

²⁵ Будто можно петь получше,
Песни лучшие составить
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы,
Чем те песни, что певал он,

³⁰ У отца им научившись.
Рассердился Ёукахайнен:
Зависть в сердце пробудили
Вяйнямёйнена напевы,
Что его всех лучше песни.

³⁵ К старой матери идет он,
К предводительнице рода.
Говорит, что в путь собрался,
Отправляется в дорогу,
В села Вяйнёлы он едет,

40 В пенье с Вяйнё состязаться.

Но его не отпускают

Ни отец, ни мать-старуха

В села Вяйнёлы поехать,

С Вяйнё в пенье состязаться:

45 «Нет, тебя там околдуют,

Околдуют и оставят

Голову твою в сугробе,

Эту руку на морозе,

Чтоб рукой не смог ты двинуть

50 И ногой ступить не смог бы».

Молвил юный Ёукахайнен:

«Мой отец во многом сведущ,

Мать намного больше знает,

Но всех больше сам я знаю.

55 Если я хочу поспорить

И с мужами состязаться,

Посрамлю певцов я пеньем,

Чародеев зачарую;

Так спою, что кто был первым,

60 Тот певцом последним будет.

Я его обую в камень,

Ноги в дерево одену,

Наложу на грудь каменьев,

На спину дугу из камня,

65 Дам из камня рукавицы,

Шлемом каменным покрою!»

Так, упрямый, он решает

И берет коня в конюшне:
Из ноздрей огонь пылает,
⁷⁰ Брызжут искры под копытом;
Он взнуздal коня лихого
И запряг в золотые сани.
Сам уселся он на сани,
Сел удобно на сиденье
⁷⁵ И коня кнутом ударил,
Бьет кнутом с жемчужной ручкой.
Лошадь добрая рванулась,
Конь помчался по дороге.
Вот уж дом родной далеко,
⁸⁰ Скачет день, другой день скачет,
Третий день он быстро мчится;
А когда прошел и третий,
Прибыл к Вяйнёлы полянам
И просторам Калевалы.
⁸⁵ Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Был как раз на той дороге,
По пути тому он ехал
Среди Вяйнёлы полянок,
⁹⁰ По дубравам Калевалы.
Ёукахайнен юный, буйный
На него наехал быстро;
Зацепились оглобли,
И гужи переплелись,
⁹⁵ Хомуты вдруг затрещали,

И дуга с дугой столкнулась.

Тут они остановились,

Стали оба, размышляя...

Из двух дуг сочилась влага,

¹⁰⁰ От оглобель пар поднялся.

И промолвил Вяйнямёйнен:

«Ты откуда это родом,

Что так скачешь безрассудно,

Не спросяся, наезжаешь?

¹⁰⁵ Ты зачем разбил хомут мой

И дугу из свежей ветки,

Ты зачем сломал мне сани,

Изломал мои полозья?»

Молвил юный Ёукахайнен,

¹¹⁰ Сам сказал слова такие:

«Молодой я Ёукахайнен,

Но теперь и ты скажи мне:

Ты, дрянной, откуда родом,

Из какой семьи негодной?»

¹¹⁵ Старый, верный Вяйнямёйнен

Называет свое имя,

Говорит слова такие;

«Так ты – юный Ёукахайнен!

Уступи-ка мне дорогу,

¹²⁰ Ты годами помоложе».

Молодой же Ёукахайнен

Говорит слова такие:

«Тут важна не наша старость,

Наша старость или юность!

¹²⁵ Кто стоит в познаниях выше,

Больше мудрости имеет —

Только тот займет дорогу,

А другой ему уступит.

Так ты – старый Вяйнямёйнен,

¹³⁰ Вековечный песнопевец, —

Приготовимся же к пенью,

Пропоем мы наши песни,

Мы прослушаем друг друга

И откроем состязанье!»

¹³⁵ Старый, верный Вяйнямёйнен

Говорит слова такие:

«Что ж, певец я безыскусный,

Песнопевец неизвестный.

Жизнь я прожил одиноко

¹⁴⁰ По краям родного поля,

Посреди полян родимых,

Слышал там одну кукушку.

Но пусть будет, как кто хочет.

Ты дозвожь себя послушать;

¹⁴⁵ Что ты знаешь больше прочих,

Чем ты прочих превосходишь?»

Молвил юный Ёукахайнен:

«Я всего так много знаю;

Но вот это знаю ясно

¹⁵⁰ И прекрасно понимаю:

В крыше есть окно для дыма,

А очаг внизу у печки.
Жить тюленю превосходно,
Хорошо морской собаке:
155 Ловит он вблизи лососей,
И сигов он поглощает.

Сиг живет на плоскодонье,
А лосось – на ровном месте.
Класть икру умеет щука
160 Средь зимы, средь бурь свирепых.

Но горбатый окунь робок —
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом,
Берег плеском оглашая.

165 Если ж ты не убедился,
То еще я много знаю,
Рассказать могу, как пашут
Северяне на оленях,
А южане на кобылах,

170 За Лапландией – быками.
Знаю я леса на Писе,
На утесах Хорны сосны:
Стройный лес растет на Писе,
Стройные на Хорне сосны.

175 Страшных три есть водопада,
И озер огромных столько ж;
Также три горы высоких
Под небесным этим сводом:
Хялляпюёря у Хяме,

180 Катракоски у карелов,
Вуокса неукротима,
Иматра – непобедима».

Молвил старый Вяйнямйнен:
«Ум ребячий, бабья мудрость

185 Не приличны бородастым
И женатому некстати.

Ты скажи вещей начало,
Глубину деяний вечных!»

Молвил юный Ёукахайнен,

190 Говорит слова такие:

«Я вот знаю про синицу,
Что она породы птичьей;
Из породы змей – гадюка;
Ёрш в воде – породы рыбьей;

195 Размягчается железо,

А земля перекисает;
Кипятком обжечься можно,
Жар огня – весьма опасен.

Всех лекарств – вода старее;

200 Пена – средство в заклинаньях;

Первый чародей – создатель;
Бог – древнейший исцелитель.

Из горы вода явилась,
А огонь упал к нам с неба,

205 Стала ржавчина железом,

На утесах медь рождается,
Всех земель старей – болота;

Ива – старше всех деревьев;

Сосны – первые жилища;

²¹⁰ Камни – первая посуда».

Старый, верный Вяйнямёйнен

Говорит слова такие:

«Может, что еще припомнишь

Иль уж высказал всю глупость?»

²¹⁵ Молвил юный Ёукахайнен:

«Нет, еще немного помню.

Помню древность я седую,

Как вспахал тогда я море

И вскопал морские глубы,

²²⁰ Выкопал я рыбам ямы,

Опустил я дно морское,

Распростер я вширь озера,

Горы выдвинул я кверху,

Накидал большие скалы.

²²⁵ Я шестым был из могучих,

Богатырь седьмой считался.

Сотворил я эту землю,

Заклучил в границы воздух,

Утвердил я столб воздушный

²³⁰ И построил свод небесный.

Я направил ясный месяц,

Солнце светлое поставил,

Вширь Медведицу раздвинул

И рассыпал звезды в небе».

²³⁵ Молвил старый Вяйнямёйнен:

«Лжешь ты свыше всякой меры!

Никогда при том ты не был,

Как пахали волны моря,

Как выкапывали глуби

²⁴⁰ И как рыбам ямы рыли,

Дно у моря опускали,

Простирали вширь озера,

Выдвигали горы кверху

И накидывали скалы.

²⁴⁵ И тебя там не видали,

Тот не видел и не слышал,

Кто тогда всю землю создал,

Заклучил в границы воздух,

Утвердил и столб воздушный

²⁵⁰ И построил свод небесный,

Кто направил ясный месяц,

Солнце светлое поставил,

Вширь Медведицу раздвинул

И рассыпал звезды в небе».

²⁵⁵ Молодой же Ёукахайнен

Говорит слова такие:

«Коль рассудок мой потерял,

Так мечом его найду я!

Ну-ка, старый Вяйнямёйнен,

²⁶⁰ Ты, певец со ртом широким,

Станем меряться мечами —

Поглядим, чей меч острее!»

Молвил старый Вяйнямёйнен:

«Не страшат меня нисколько

²⁶⁵ Ни мечи твои, ни мудрость,

Ни оружие, ни хитрость.

Но пусть будет, как кто хочет,

И с тобой, с таким несчастным,

Я мечей не стану мерить:

²⁷⁰ Ты – негодный и противный!»

Обозлился Ёукахайнен,

Рот от гнева искривился,

Головой трясет косматой,

Говорит слова такие:

²⁷⁵ «Кто мечи боится мерить,

Осмотреть клинки боится,

Я того моею песней

Превращу в свиное рыло.

Я таких людей презренных

²⁸⁰ По местам упрячу разным:

Уложу в навозной куче

Иль заброшу в угол хлева!»

Омрачился Вяйнямёйнен

И разгневался ужасно.

²⁸⁵ Сам запел тогда он песню,

Сам тогда он начал речи.

Не ребячьи песни пел он

И не женскую забаву —

Пел геройские он песни.

²⁹⁰ Не поют их вовсе дети,

Мальчики наполовину,

Женихи лишь в третьей части:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету.

²⁹⁵ Начал мудрый Вяйнямёйнен.

Всколыхнулись озера,
Горы медные дрожали,
Камни твердые трещали.
Со скалы скала свалилась,

³⁰⁰ Раздроблялися утесы.

Он запел, и разрослися
На дуге лапландца ветки.
На хомут насела ива,
На шлее ветвится верба.

³⁰⁵ Позолоченные сани

Стали тальником прибрежным;

Кнут жемчужный обратился

Камышом на побережье;

Конь лапландца белолобый

³¹⁰ Стал скалой у водопада.

Меч с златою рукоятью —

Яркой молнией на небе;

Из раскрашенного лука

Вышла радуга над морем;

³¹⁵ Стрелы легкие лапландца

Ястребами полетели;

Тупомордая собака

Валуном огромным стала.

Превращает старец шапку —

320 Стала шапка длинной тучей;

Рукавицы водяными

Вдруг становятся цветами;

Шерстяная куртка ходит

Облаком в высоком небе,

325 А из пояса лапландца

Звезды в небе запестрели.

Он поет – и Ёукахайнен

По бедро ушел в болото,

И до пояса в трясину,

330 И до плеч в песок сыпучий.

Вот тогда-то Ёукахайнен

Мог своим умом постигнуть,

Что пошел не той дорогой

И предпринял путь напрасный

335 Состязаться в песнопеньях

С Вяйнямёйненом могучим.

Хочет он ногою двинуть —

И поднять ноги не может;

Повернуть другую хочет —

340 Но она обута в камень.

Испытал тут Ёукахайнен

Сильный ужас, страх великий.

Увидал свое несчастье

И сказал слова такие:

345 «О ты, мудрый Вяйнямёйнен,

Вековечный прорицатель!

Ты верни слова святыя

И возьми назад заклѣтья!
Отпусти меня отсюда,
350 Дай свободу от несчастья!
Принесу тебе я выкуп,
Дам я все, что пожелаешь!»
Молвил старый Вяйнямѣйнен:
«Что ж ты дать мне обещаешь,
355 Коль верну слова святые
И назад возьму заклѣтья,
Отпущу тебя отсюда,
Из беды освобожу я?»
Молвил юный Ёукахайнен:
360 «У меня два славных лука,
Пара луков превосходных.
Бьет один со страшной силой,
А другой стреляет метко.
Выбирай, какой захочешь».
365 Молвил старый Вяйнямѣйнен:
«Не хочу твоих я луков;
Глупый ты: на что мне луки?
У меня их дома столько,
Что увешаны все стены,
370 Ими заняты все гвозди;
Сами луки в лес уходят.
Без меня они стреляют».
Он запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топь поглубже.
375 Молвил юный Ёукахайнен:

«У меня две славных лодки,
Челноков чудесных пара;
И одна летит как птица,
А другая грузы возит.

³⁸⁰ Выбирай, какую хочешь!»
Молвил старый Вяйнямёйнен:

«Не хочу твоих я лодок,
Челноков твоих не нужно!

У меня их дома столько,
³⁸⁵ Что весь берег ими занят,

Все заливы ими полны,
И одни по ветру ходят,
А другие против ветра».

Вновь запел, и Ёукахайнен
³⁹⁰ Погрузился в топи глубже.

Молвил юный Ёукахайнен:
«Два коня в моей конюшне,
Жеребцов прекрасных пара;

И один летит как ветер,
³⁹⁵ А другой силен в запряжке.

Выбирай, какого хочешь».
Молвил старый Вяйнямёйнен:

«Мне коней твоих не нужно,
Жеребцов твоих хвалёных;

⁴⁰⁰ У меня их дома столько,
Что стоят при каждом яслях
И стоят во всяком стойле
На хребтах с водою чистой,

На крестцах с пудами жира».

⁴⁰⁵ Вновь запел, и Ёукахайнен

Погрузился в топь поглубже.

Молвил юный Ёукахайнен:

«О ты, старый Вяйнямёйнен!

Поверни слова святые

⁴¹⁰ И возьми назад заклатья!

Шапку золота доставлю,

Серебром насыплю шапку,

Их с войны принес отец мой,

С поля битвы их доставил».

⁴¹⁵ Молвил старый Вяйнямёйнен:

«В серебре я не нуждаюсь,

Твое золото на что мне!

У меня его довольно,

Кладовые им набиты,

⁴²⁰ Сундуки набиты ими;

Золото – луны ровесник,

Серебро – ровесник солнцу».

Вновь запел, и Ёукахайнен

Погрузился в топи глубже.

⁴²⁵ Молвил юный Ёукахайнен:

«О ты, старый Вяйнямёйнен!

Отпусти меня отсюда,

Дай свободу от несчастья!

Весь мой хлеб тебе отдам я,

⁴³⁰ Все поля я обещаю,

Чтобы голову спасти мне,

От беды себя избавить!»

Молвил старый Вяйнямйнен:

«Мне полей твоих не нужно,

⁴³⁵ В хлебе вовсе не нуждаюсь!

У меня его обилье,

Где ни глянешь, там и поле

И скирды стоят повсюду.

А мои поля получше,

⁴⁴⁰ Мне скирды мои милее».

Вновь запел, и Ёукахайнен

Погрузился в топи глубже.

Наконец уж Ёукахайнен

И совсем перепугался:

⁴⁴⁵ Он до рта ушел в трясины,

С бородой ушел в болото,

В рот набился мох с землею,

А в зубах кусты завязли.

Молвил юный Ёукахайнен:

⁴⁵⁰ «О ты, мудрый Вяйнямйнен!

Вековечный прорицатель!

Вороти назад заклятье,

Жизнь оставь мне дорогую,

Отпусти меня отсюда!

⁴⁵⁵ Затянула топь мне ноги,

От песку глазам уж больно!

Если ты возьмешь заклятье,

Злой свой заговор воротишь,

Дам сестру тебе я Аино,

460 Дочку матери любимой.

Пусть метет твое жилище,
В чистоте полы содержит,
Будет кадки мыть и парить,
Будет мыть твою одежду,

465 Ткать золотые одеяла,
Печь медовые лепешки».

Старый, верный Вяйнямйнен
Просиял, развеселился,
Рад он был, что Ёукахайнен

470 В жены даст сестру родную.

На скале, веселый, сел он,
Сел на камень и распелся;
Спел немного, спел еще раз,
В третий раз пропел немного —

475 Повернул слова святые,
Взял назад свои заклатья.

Вышел юный Ёукахайнен:

Из болота тащит шею,
Тащит бороду из топи;

480 Вновь конем скала предстала,
Сани вновь из веток вышли,
Стал камыш кнутом, как прежде.

Он спешит усесться в сани;
Опустился на сиденье,

485 Уезжает с тяжким сердцем,
Грустный едет он оттуда,
К милой матери он едет,

Он к родителям стремится.
Он помчался с страшным шумом,
⁴⁹⁰ К дому бешено подъехал;
Об овин сломал он сани
И оглобли о ворота.
Мать не знает, что подумать,
А отец промолвил слово:
⁴⁹⁵ «Глупо сделал, что сломал ты
Эти сани и оглобли!
Что ты едешь, как безумный,
Словно бешеный, примчался?»
И заплакал Ёукахайнен.
⁵⁰⁰ Плачет горькими слезами,
Головой поник уныло,
Шапка на сторону сбилась,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил он печально.
⁵⁰⁵ Мать узнать, в чем дело, хочет,
Хочет дело поразведать:
«Ты о чем, сыночек, плачешь.
Чем, мой первенец, расстроен,
Губы сжаты, побледнели,
⁵¹⁰ Нос повесил ты печально?»
Молвил юный Ёукахайнен:
«Ох ты, мать моя родная!
Ведь со мной беда случилась,
Ведь со мной несчастье было,
⁵¹⁵ Не без повода я плачу,

Есть причина для печали!
Век свой слез не осушу я,
Буду жизнь вести в печали:
Ведь сестрицу дорогую,
⁵²⁰ Дочь твою родную, Айно,
Вяйнямёйнену я отдал,
Чтоб певцу была женою,
Старцу слабому опорой,
В доме хилому защитой».

⁵²⁵ Мать захлопала в ладоши
И всплеснула тут руками;
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, мой сын родимый,
Нет тебе причины плакать,
⁵³⁰ Нет причины для печали.
Я жила надеждой этой,
Много лет я ожидала,
Чтоб герой могучий этот,
Песнопевец Вяйнямёйнен,
⁵³⁵ Стал моим желанным зятем,
Мужем дочери родимой».
Слышит то младая Айно,
Плачет горькими слезами,
Плачет день, другой день плачет,
⁵⁴⁰ На крыльце сидит, рыдая;
Плачет жалобно от горя,
От сердечной злой печали.
Говорить тут мать ей стала:

«Что ты плачешь, дочка Айно?

⁵⁴⁵ У тебя жених могучий;

К мужу сильному идешь ты,

Чтоб сидеть там под окошком,

У забора тараторить».

Дочь на это молвит слово:

⁵⁵⁰ «О ты, мать моя родная!

Есть о чем, родная, плакать:

Жаль мне кос моих прекрасных

И кудрей головки юной,

Жаль волос девичьих, мягких,

⁵⁵⁵ Мне так рано их закроют,

С этих лет мне их завяжут.

И всю жизнь жалеть я буду

Это солнце дорогое,

Этот месяц ясный, тихий,

⁵⁶⁰ Этот синий свод небесный,

Если мне их бросить надо,

Если надо мне забыть их, —

Братца – у станка с работой,

Под окном – отца родного».

⁵⁶⁵ Мать же дочери сказала,

Молодой старуха молвит:

«Брось ты, глупая, печали,

Горемычная, – стенанье!

Плачешь ты без основанья

⁵⁷⁰ И тоскуешь без причины.

Божье солнце дорогое

Озаряет всюду землю,
Не одно отца окошко,
Не одну скамейку брата.

⁵⁷⁵ Есть повсюду много ягод,

На полянах – земляники.

Ах ты, доченька! Ты можешь

Там набрать их, а не только

По лесам отца родного,

⁵⁸⁰ На полях родного брата».

Руна четвертая

1. Вяйнямёйнен встречает сестру Ёукахайнена в лесу и просит ее стать его женой (1–30).
2. Девушка в слезах бежит домой и рассказывает об этом своей матери (31–116).
3. Мать запрещает ей печалиться, велит радоваться и нарядно одеться (117–188).
4. Девушка продолжает плакать и говорит, что не хочет идти замуж за старика (189–254).
5. Опечаленная, она уходит в лес, попадает на безлюдный берег моря, хочет выкупаться в море и тонет (255–370).
6. Мать дни и ночи оплакивает свою утонувшую дочь (371–518).

Айно, дева молодая,
Ёукахайнена сестрица,
В лес пошла нарезать веток,
В роще веников наделать.

⁵ Для отца связала веник,
Веник матери связала,
Наконец, и третий веник
Крепышу связала братцу.

И идет, спеша из лесу,

¹⁰ Прямо к дому меж ольхами.
Вот подходит Вяйнямёйнен.

Он девицу в роще видит
На траве в нарядном платье,
Говорит слова такие:

¹⁵ «Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
²⁰ Перевязывай их лентой!»

Так ответила девица:
«Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.

²⁵ Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я черную краюшку;
Я сажу в отцовском доме,

³⁰ Вместе с матушкой родимой».

Вот с груди бросает крестик,
С пальцев кольца золотые,
С шеи жемчуг побросала,
Ленту красную швырнула,

³⁵ Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их,
И в слезах пошла дорогой,
С горьким плачем в дом отцовский.
У окна отец работал,

40 Вырезал он топорище:
«Что ты, дочь-бедняжка, плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть, отец, причина плакать,
Есть для слез и для рыдания;
45 Вот причина, что я плачу,
Что я плачу и рыдаю:
Потеряла с шеи крестик,
С пояска мои застежки:
Был серебряный мой крестик,
50 Были медные застежки».
У калитки брат работал,
Вырезал дугу искусно:
«Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»
55 «Есть причина, братец, плакать,
Есть для слез и для рыдания;
Вот причина, что я плачу,
Я и плачу и рыдаю:
Потеряла кольца с пальцев,
60 С шеи жемчуг драгоценный;
Золотые были кольца,
Серебрист на шее жемчуг».
Вот сестра сидит у двери,
Ткет из золота здесь пояс:
65 «Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть, сестра, причина плакать,

Есть для слез и для рыдания;

Вот причина, что я плачу

⁷⁰ И горюю, что пропали

И подвески золотые,

И серебряный кокошник,

Синий шелковый налобник,

Лента красная из шелка».

⁷⁵ В кладовой, у самой двери,

Мать снимала ложкой сливки:

«Что ты, дочь-бедняжка, плачешь?

Что, девица молодая?»

«О ты, мать моя родная!

⁸⁰ Ты меня, дитя, кормила!

Плачу, матушка, от скорби

И, несчастная, горюю.

Вот причина, что я плачу

И пришла домой, рыдая:

⁸⁵ В лес пошла я резать ветки,

В роще веников наделать.

Веник бабушке связала,

Для тебя связала веник,

Наконец, и третий веник

⁹⁰ Крепышу связала братцу.

Уж домой идти хотела,

Шла поспешно по дубраве,

И сказал мне так Осмойнен,

Калевайнен так промолвил:

⁹⁵ „Не носи ты для другого,

Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
¹⁰⁰ Перевязывай их лентой!“
Я с груди швырнула крестик,
С шеи жемчуг побросала,
Синий шелковый налобник,
Ленту красную швырнула,
¹⁰⁵ Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их.
А сама ему сказала:
„Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
¹¹⁰ В волосах ношу я ленту.
Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я черную краюшку;
¹¹⁵ Я сажу в отцовском доме
Вместе с матушкой родимой».
Мать девице отвечает,
Молодой старуха молвит:
«Перестань ты, дочка, плакать,
¹²⁰ Не горюй, моя родная!
Целый год ты кушай масло:
Ты тогда красивей станешь;
На другой ты ешь свинину,

И еще статнее будешь;

¹²⁵ А на третий – хлеб молочный,

И красавицею станешь.

На горе есть кладовая:

Там в прекрасном помещенье

К сундуку сундук поставлен

¹³⁰ И шкатулка на шкатулку.

Ты открой сундук там лучший

И найдешь под пестрой крышкой

Золотых шесть подпоясок,

Семь прекрасных синих платьев.

¹³⁵ Мне дочь Месяца ткала их,

Солнца дочь их мне нашила.

В годы юности прошедшей,

В молодых годах, бывало,

Я в лесу рвала малину,

¹⁴⁰ Там однажды увидала

Дочку Месяца за станом,

Дочку Солнышка за прялкой

На краю поляны ровной,

На опушке синей рощи.

¹⁴⁵ Подошла я боязливо,

Подле них я тихо стала,

Начала просить смиренно;

Так я девам говорила:

„Девы Месяца и Солнца!

¹⁵⁰ Дайте мне серебра и злата,

Дайте девочке-бедняжке,

Дайте бедному ребенку!“
Серебра дала дочь Солнца,
А дочь Месяца мне злата.

¹⁵⁵ Золотой кокошник вышел
И серебряный налобник.

Как цветок, домой пришла я,
В дом отца вошла веселой.
День, другой я их носила,

¹⁶⁰ А на третий снимала;
Золотой сняла кокошник
И серебряный налобник,
Унесла на горку в домик,
Спрятала под крышку в ящик;

¹⁶⁵ Там лежат они доселе,
Я их больше не видала.
Ты надень из шелку ленты
И из золота налобник.

Ты надень блестящий жемчуг,
¹⁷⁰ Золотой на шею крестик,
Полотняную сорочку.

Шерстяное вынь ты платье
Из тончайшей мягкой шерсти,
Пояс шелковый наденешь,

¹⁷⁵ Там возьмешь чулки из шелку,
Башмаки из тонкой кожи.
Заплети получше косы,
Лентой шелковой свяжи их;
Не забудь на пальцы кольца,

180 Золотые вынь запястья!

Вот тогда домой придешь ты,
В кладовой принарядившись,
И родителям на радость,
И родным всем на утеху.

185 Как цветочек, ты пройдешься,
Как малинка, по дорожке,
Станешь ты стройней, чем прежде,
И красивей несравненно».

Так ей матушка сказала,

190 Так промолвила девице.

Но она словам не внемлет,
И речей она не слышит.

Вышла быстрыми шагами,

По двору идет, рыдает,

195 Говорит слова такие

И такие речи молвит:

«Что такое мысль блаженных,

Помышления счастливых?

Ведь не то ли мысль блаженных,

200 Помышления счастливых,

Что вода при колыханье,

Что волна воды в ведерке.

Что такое мысль печальных,

Помышленья бедной утки?

205 Ведь не то ли мысль печальных,

Помышленья бедной утки,

Что весенний свет в овражке,

Что вода в колодце темном.

Ах! как часто мысль девицы,

²¹⁰ Дума девушки несчастной,

Боязливо полем ходит,

Пробирается лесочком,

По траве ползет тихонько,

По кустам, по мхам засохшим!

²¹⁵ Дума та смолы чернее,

Дума та угля темнее.

Мне б гораздо лучше было,

Если б я не родилась,

Если б я не подрастала,

²²⁰ Не видала бы на свете

Дней печали и несчастья,

Если б я жила немного;

На шестую ночь скончалась,

На восьмую умерла бы;

²²⁵ Мне б тогда не много нужно:

Чуть холстины на рубашку

Да под дерном уголочек.

Мать поплакала б немножко,

А отец еще поменьше,

²³⁰ Брат совсем не стал бы плакать».

День, другой девица плачет.

Мать опять ее спросила:

«Ты о чем, девица, плачешь,

Дочка бедная, горюешь?»

²³⁵ «Оттого, бедняжка, плачу,

Горевать всю жизнь я буду,

Что меня ты обещала,

Отдала ты дочь родную

Старику тому утехой,

²⁴⁰ Быть для старого защитой,

Быть для дряхлого опорой

Да в избе его охраной.

Лучше б дочь ты обещала

В глубину морей холодных,

²⁴⁵ Чтоб сигам была сестрицей

И подругой быстрым рыбам,

Лучше мне там в море плавать,

Проживать в волнах глубоких,

В море быть сигам сестрою

²⁵⁰ И подругой быстрым рыбам,

Чем быть старому защитой,

Старцу слабому подмогой;

Он о свой чулок споткнется,

Упадет, чрез сук шагнувши».

²⁵⁵ Вот идет она к постройке

И проходит в кладовую;

Там открыла лучший ящик

И нашла под пестрой крышкой

Золотых шесть подпоясок,

²⁶⁰ Синих семь прекрасных платьев.

Одевается богато,

Выбирает, что получше:

И подвески золотые,

И серебряный кокошник,
²⁶⁵ Синий выбрала налобник,
Ленту красную на косу.
Так пошла она оттуда
По лугам и по полянам,
По болотам и равнинам,
²⁷⁰ По лесам прошла дремучим.
А сама поет тихонько.
Проходя, она запела:
«Тяжелы мои печали,
И тоска на бедном сердце.
²⁷⁵ Пусть тоска сильнее будет,
Тяжелей печали станут,
Как скончаюсь я, бедняжка,
Так с мучением покончу,
С этой тягостной печалью,
²⁸⁰ Бесконечной, горькой скорбью!
Да, теперь настало время
Навсегда с землей проститься,
В Маналу пора сойти мне,
В Туонелу пора спуститься.
²⁸⁵ Обо мне отец не плачет,
Мать родная не жалеет,
У сестры лицо не мокро,
И глаза у брата сухи,
Хоть уж в воду я спускаюсь,
²⁹⁰ В море к рыбам направляюсь,
В глубину пучины темной,

В тину, смешанную с илом».
День она идет, другой день,
Наконец, уже на третий
295 Достигает края моря,
Берегов, травой поросших.
Начинало уж смеркаться,
Небо темным становилось.
Там проплакала весь вечер
300 И всю ночь протосковала,
На прибрежном сидя камне
У широкого залива;
Дождалась она рассвета,
Поглядела: там три девы
305 По волнам морским стремятся.
Айно легким, тихим шагом
Хочет к ним идти четвертой,
Подойти к ним пятой веткой.
Быстро сбросила рубашку,
310 На осину скинув платье
И чулки свои на землю,
Башмаки свои на камень,
На песок свой крупный жемчуг,
На прибрежный камень кольца.
315 Там надтреснутый утес был,
Он блестел в далеком море;
И к нему плывет девица,
До скалы доплыть стремится.
Но едва туда ступила,

320 Отдохнуть присесть хотела
На растрескавшемся камне,
На скале, блестящей в море,
Как упал вдруг в воду камень,
Та скала на дно морское,

325 А с тем камнем и девица,
С той огромной глыбой Айно.
Так та курочка упала,
Так погибла та бедняжка
И сказала, умирая,

330 С белым светом расставаясь:
«К морю я пошла купаться,
На волне морской качаться.
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.

335 Никогда, отец мой милый,
Никогда в течение жизни
Не лови в волнах здесь рыбы
На пространстве вод широких!
Я пошла на берег мыться,

340 К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.

Никогда ты, мать родная,
Никогда в течение жизни

345 Не бери воды в заливе,
Чтоб месить для хлеба тесто!
Я пошла на берег мыться,

К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
³⁵⁰ Птичка бедная, погибла.

Никогда, мой брат любимый,
Никогда в течение жизни
Не пой коня ты в море
На песчаном этом месте!

³⁵⁵ Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться;
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.

Никогда, моя сестрица,
³⁶⁰ Никогда в течение жизни
Ты не мой лицо здесь в море,
Не мочи водою здешней.

Ведь все волны в этом море —
Только кровь из жил девицы;

³⁶⁵ Ведь все рыбы в этом море —

Тело девушки погибшей;
Здесь по берегу кустарник —
Это косточки девицы;

А прибрежные здесь травы
³⁷⁰ Из моих волос все будут».

Так та девушка скончалась,
Так та курочка исчезла...

Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить

³⁷⁵ В дом красавицы прекрасный,

На родимый двор девицы?
Не медведь то слово скажет
И возьмется весть доставить!
Он доставить весть не может:
³⁸⁰ На коров он нападает.

Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?

³⁸⁵ И не волк то слово скажет
И возьмется весть доставить!
Он доставить весть не может:
На овец он нападает.

Кто бы взялся молвить слово,
³⁹⁰ Кто бы взялся весть доставить

В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
Не лиса то слово скажет

И возьмется весть доставить!
³⁹⁵ Весть лиса подать не может:

Лишь гусей подстерегает.

Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,

⁴⁰⁰ На родимый двор девицы?
Это заяц слово молвит
И возьмется весть доставить!
Заяц так и отвечает:

«Да, за храбрым речь не станет».

⁴⁰⁵ Вот бежит, несется заяц,

Поспешает длинноухий,

Скоро скачет кривоногий,

Быстро мчится косоротый

К дому славному девицы,

⁴¹⁰ Ко двору ее родному.

Подбежал он быстро к бане,

У порога приютился.

А в той бане все девицы,

И в руке у каждой веник:

⁴¹⁵ «Что, косой, в котел собрался?

Лупоглазый, не попался ль

Ты хозяину на ужин,

А хозяйюшке на завтрак,

Милой дочке на закуску,

⁴²⁰ На обед хороший сыну?»

Но ответил заяц девам,

Молвил громко пучеглазый:

«Пусть сюда приходит Лемпо,

Пусть себе в котле варится!

⁴²⁵ Я пришел, чтоб вам поведать,

Чтоб сказать такое слово:

Ведь красавица погибла

С оловянным украшеньем

И с серебряной застежкой,

⁴³⁰ С пояском, обшитым медью.

Погрузилась в волны моря,

В глубину морей обширных,
Чтоб сиграм там быть сестрою
И подругой быстрым рыбам».

⁴³⁵ Мать тогда по милой дочке,

По исчезнувшей девице
Горько, горько зарыдала,
Говорит слова такие:

«Матери! Вы не качайте

⁴⁴⁰ Никогда в течение жизни

В колыбели ваших дочек,
Не воспитывайте деток,
Чтоб насильно выдать замуж,
Как, бедняжка, я качала

⁴⁴⁵ В колыбели мою дочку,

Дорогого мне цыпленка!»

Мать заплакала, а слезы,

Слезы горькие сбегают

Из очей старухи синих

⁴⁵⁰ На страдальческие щеки.

Слезы льются, слезы капают,

Слезы горькие стремятся

От щеки ее опавшей

До груди, дышавшей тяжко.

⁴⁵⁵ Слезы льются, слезы капают,

Слезы горькие стремятся

От груди, дышавшей тяжко,

На подол нарядный платья.

Слезы льются, слезы капают,

460 Слезы горькие стремятся
От краев нарядных платья
На чулок с прошивкой красной.

Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
465 От чулка с прошивкой красной

На башмак, что вышит золотом.
Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
С башмака, что вышит золотом,

470 Прямо под ноги старухи.
Слезы в землю – ей на благо,
В воду – и воде на благо.

Как стекли они на землю,
Три ручья образовали;

475 Потекли тремя реками
Слез печали материнской,
Из очей они бежали,
От висков они стремились.

На реке такой, на каждой,

480 Водопады огневые,
А средь пены водопадов
Три скалы там поднялись;
На верху скалы на каждой
Золотой поднялся холмик;

485 На верху холма на каждом
Вырастало по березке;
На березках тех сидели

Золотые три кукушки.

Все три вместе куковали:

⁴⁹⁰ Та: «любовь! любовь!» кукует,

Та: «жених! жених!» покличет,

Третья кличет: «радость! радость!»

Что «любовь! любовь!» кукует,

Так три месяца все кличет

⁴⁹⁵ Той девице, что погибла

Без любви в волнах глубоких.

Что «жених! жених!» кукует,

Та шесть месяцев все кличет

Жениху тому, который

⁵⁰⁰ В одиночестве остался.

А что кличет: «радость, радость!»,

Та всю жизнь кукушка кличет,

Кличет матери несчастной,

Что все дни в слезах проводит,

⁵⁰⁵ И сказала мать сквозь слезы,

Услыхавши клич кукушки:

«Мать несчастная! не слушай

Слишком долго клич кукушки.

Как раздастся клич кукушки,

⁵¹⁰ Сердце горестно забьется,

На глаза выходят слезы,

По щекам вода струится,

Как горох, бегут те капли,

Как бобы, идут большие;

⁵¹⁵ Становлюсь на локоть старше,

Делаюсь на четверть ниже,
Тело все мое трепещет,
Лишь услышу клич кукушки».

Руна пятая

1. Вяйнямёйнен идет к морю, чтобы поймать сестру Ёу-кахайнена, и ловит ее, превратившуюся в рыбу, на удочку (1–58).

2. Он пытается разрезать ее на куски, но рыба выскользывает из рук в море и объясняет, кто она такая (59–133).

3. Напрасно старается Вяйнямёйнен словами и сетями поймать рыбу снова (134–163).

4. Огорченный, возвращается он домой и получает от своей матери совет идти свататься за дочь Похъёлы (164–241).

Вот домой доходят вести,
Вот дошел рассказ печальный
О гибели девицы,
О кончине юной девы.

⁵ Старый, верный Вяйнямёйнен.

Все узнавши, стал унылым,
Плакал вечер, плакал утро,
Ночи целые проплакал
О красавице погибшей,
¹⁰ О девице, утонувшей
В волнах вод широкошумных,
В темноте морей глубоких.
Вот со вздохами, с заботой,

Он пошел с тяжелым сердцем

¹⁵ К морю синему на берег,

Говорит слова такие:

«Спящий Унтамо, скажи мне,

Сны свои открой, ленивец:

Где живут родные Ахто,

²⁰ Девы Велламо таятся?»

Спящий Унтамо ответил,

Сны свои открыл ленивец:

«Вот родные где у Ахто,

Девы Велламо таятся:

²⁵ На мысочке, скрытом мглою,

На туманном островочке,

В темноте морей глубоких,

В тине илистой и черной.

Там живут родные Ахто,

³⁰ Девы Велламо таятся,

Там сидят в каморке узкой

Посреди избушки тесной,

Под скалою полосатой

И под выступом утеса».

³⁵ Вышел старый Вяйнямёйнен,

Стал на лодочную пристань,

Взял он удочку тихонько,

Осмотрел он тихо лески,

Положил в мешочки крючочки

⁴⁰ И уду в карман запрятал.

Вот грести он сильно начал,

Лодку к острову направил,
На мысок туманный вышел,
Мглою скрытый островочек.

⁴⁵ Приготовился к ужению,
Леску длинную расправил,
Повернул уду рукою.

Вот крючок закинул в воду,
Стал удить, таща за леску:

⁵⁰ Медь удилица дрожала,
Серебро шуршало в леске,
И в шнурке шумело золото.

Рассветать на небе стало,
Зорька утренняя вышла,

⁵⁵ За крючок схватилась рыбка,
За крючок железный – семга.

Тащит он ту семгу в лодку
И на дно кладет тихонько.

Пристально глядит на рыбку,

⁶⁰ Говорит слова такие:

«Удивительная рыбка!

Никогда таких не видел,
Сиг столь гладким не бывает,

Не пестреет так пеструшка,

⁶⁵ Щука – та не столь седая,

Чешуи у самки меньше,

У самца ж ее побольше.

Девушки повязки носят,

А русалки носят пояс,

70 А у курочки есть уши;
Эта ж рыба – точно семга,
Точно окунь вод глубоких».
Был на поясе у старца
Нож в серебряной оправе.

75 Нож он с пояса снимает,
Вынул нож из светлых ножен,
Распластать он хочет рыбку
И разрезать эту семгу,
Из нее чтоб сделать завтрак,

80 Закусить пораньше ею,
На обед себе сготовить
И оставить часть на ужин.
Вот пластать он хочет рыбку
И брюшко пороть ей начал:

85 Вдруг из рук скользнула семга,
В море бросилась рыбка,
С края лодки красноватой,
Из ладьи широкой Вяйнё.
Подняла из волн головку,

90 Правым боком показалась
На волне морской, на пятой,
При шестом станке у сети.
Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой

95 На седьмой полоске моря,
На валу зыбей девятом.
Говорит слова такие

И такие речи молвит:

«Ой ты, старый Вяйнямёйнен!

¹⁰⁰ Не затем я вышла в море,
Чтоб меня, как семгу, резал,
Чтоб распластывал, как рыбку,
Из меня готовил завтрак,
Закусил пораньше мною,

¹⁰⁵ На обед себе стотвил
И оставил часть на ужин».

Молвил старый Вяйнямёйнен:

«Так зачем ты вышла в море?»

«Для того я вышла в море,
¹¹⁰ Чтобы курочкой спокойной

На руках твоих садиться,
Быть всю жизнь твоей женою,
Чтоб тебе постель готовить,
На постель взбивать подушку,

¹¹⁵ Убирать твое жилище,
Подметать полы в покоях;
Чтоб дрова носить в избушку,

Раздувать большое пламя,
Печь тебе большие хлебы

¹²⁰ Да медовые лепешки,
Подносить и кружку пива,
Угощать тебя чем хочешь.

Я совсем не семга моря
И не окунь вод глубоких:

¹²⁵ Я девица молодая,

Ёукахайнена сестрица;
Ты меня искал так долго
И желал в течение жизни.
Ох, старик ты неумелый,
¹³⁰ Вяйнямёйнен безрассудный!
Не сумел меня поймать ты,
Деву Велламо, русалку,
Дочь единственную Ахто».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
¹³⁵ Молвил грустный и унылый:
«Ёукахайнена сестра ты?
О, вернись ко мне скорее!»
Не придет она обратно
Никогда в течение жизни.
¹⁴⁰ Быстро в волны погрузилась.
Сразу в море опустилась
Вниз, к камням полосатым
И к расщелинам гранитным.
Старый, верный Вяйнямёйнен
¹⁴⁵ Поразмыслил и подумал:
Как же быть и что же делать?
Потащил свои он сети
Из конца в конец чрез волны;
Через бухты, чрез заливы,
¹⁵⁰ По воде спокойной тащит,
Тащит чрез лососьи рифы,
Через Вяйнёлы потоки.
Через рифы Калевалы,

По бездонным черным безднам,
155 Беспросветным глубям моря,
Ёуколы прозрачным рекам,
Через лапландские заливы.
Много всяких рыб поймал он;
Но из рыб, живущих в море,
160 Не поймал он милой рыбки,
Той, о кой он только думал,
Что у Велламо русалкой,
Что у Ахто всех прекрасней.
Тут-то старый Вяйнямёйнен
165 Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась;
Сам сказал слова такие:
«О я, глупый и безумный!
Человек я без рассудка!
170 Был мне дан и ум здоровый,
И рассудок был дарован,
И отзывчивое сердце.
Прежде я имел все это,
А теперь уж все исчезло
175 В хилой старости печальной
И в упадке сил бывалых;
Мой рассудок точно умер,
Прозорливость отлетела,
Стал я вовсе бестолковым.
180 Ту, к которой я стремился
И искал в течение жизни,

Ту у Велламо русалку,
Дочь волны широкошумной,
Чтоб иметь подругой жизни,
¹⁸⁵ На всю жизнь моей супругой, —
В море удочкой поймал я
И втащил на лодку быстро;
Но ее не удержал я,
Не принес в мое жилище,
¹⁹⁰ Упустил обратно в море,
В глуби темные морские!»
И пошел он по дороге,
Озабоченно вздыхая,
Шел домой прямой дорогой,
¹⁹⁵ Говорил слова такие:
«Пели некогда кукушки,
Мне кукушки пели радость,
Рано утром, поздно на ночь
И один раз в час полудня.
²⁰⁰ Что ж испортило их голос,
Как погиб напев чудесный?
Грустью голос их надорван,
Унесло его унынье.
Не слышать его призыва,
²⁰⁵ И, когда заходит солнце,
Нет вечерней мне отрады;
Не слышать кукушки утром.
Не могу совсем понять я,
Как мне быть и что мне делать?»

210 Как прожить мне в этом мире,
Как скитаться в здешнем крае?

Если б мать в живых осталась,
На земле жила б родная,
Мне тогда б она сказала,

215 Что теперь с собой мне делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни мои плохие,
Время горести жестокой!»

220 Мать в могиле пробудилась,
Из воды в ответ сказала:
«Мать твоя не умирала,
Так же бодрствует родная
И тебе ответит ясно,

225 Что теперь ты должен делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни твои плохие,
Время горести жестокой:

230 В Похъёле девиц немало!
Есть там девушки получше,
Вдвое лучше и красивей,
В пять и в шесть раз веселее
Этих Ёуколы бездельниц,

235 Этих медленных лапландок.
Там, мой сын, возьми жену ты,
Похъёлы красотку-деву,

Ту, что обликом прелестна,
Ту, что стан имеет стройный,
²⁴⁰ У которой ноги быстры,
У которой гибко тело».

Руна шестая

1. Ёукахайнен затаил злобу на Вяйнямёйнена и подстерегает его по дороге в Похъёлу (1–78).

2. Он видит, как Вяйнямёйнен верхом на лошади переправляется через реку, и стреляет в него из лука, но попадает в лошадь (79–182).

3. Вяйнямёйнен падает в воду; сильный ветер уносит его в открытое море, и Ёукахайнен торжествует, думая, что Вяйнямёйнен поёт свою последнюю песню (183–234).

Старый, верный Вяйнямёйнен

Приготовился к отъезду

В те холодные селенья,

В Похъёлу, в страну тумана.

⁵ Масью конь его похож был

На горох иль на солому.

На коня надел уздечку,

Недоуздок он накинул,

На спине коня уселся

¹⁰ И от дома отъезжает.

Гонит сильно по дороге,

Проезжает путь поспешно

На коне, что на солому

Иль горох походит масью.

¹⁵ Полем Вяйнёлы несется,

По полянам Калевалы,
На коне он быстро скачет
От родной земли все дальше,
По хребту морскому едет,
²⁰ По равнине вод открытых.
У коня копыта сухи,
На ногах не видно влаги.
Молодой же Ёукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
²⁵ До сих пор был все озлоблен,
Уж давно питал он зависть
К Вяйнямёйнену седому,
К вещим старца песнопеньям.
Лук он огненный устроил,
³⁰ Выгиб сделал в украшениях;
Лук он сделал из железа,
Выгиб он отлил из меди,
Золотом его украсил,
Серебра туда прибавил.
³⁵ Где же он возьмет веревку,
Где он тетиву разыщет?
Жилы лося взял у Хийси,
Взял он нитки льна у Лемпо.
Вот готов был выгиб лука,
⁴⁰ И концы его готовы.
Был тот лук на вид прекрасен,
Должен был немало стоять,
Наверху конек поставлен,

По бокам бежит жеребчик,
45 Медвежонок спит на сгибе,
На зарубке дремлет зайчик.
Он вырезывает стрелы,
Трижды стрелы оперяет.
Из железа точит стержень,
50 Из смолистых веток – кончик.
Стрелы вырезал искусно —
И тогда их оперяет
Тонким перышком касатки,
Воробьиными крылами.
55 Закалил он эти стрелы,
А потом концы намазал
Ядовитым черным соком,
Что нашел в крови змеиной.
Так готовы были стрелы.
60 Натянул свой лук упругий,
Вяйнямёйнена все ждал он,
Все стерег он друга моря.
Утром, вечером сидит он,
Стережет и в час полудня.
65 Вяйнямёйнена все ждет он,
Ждет без усталости неделю,
Поджидает под окошком,
Стережет в углу забора,
Слушает в конце дороги
70 И высматривает в поле;
За спиной колчан повешен,

А в руках тот лук прекрасный.
Вот стеречь он дальше вышел,
От другого дома смотрит:

⁷⁵ С края огненного мыса,
От излучины залива,
С водопада огневого,
От святой реки кипящей.

Наконец, однажды утром,
⁸⁰ Он свои направил взоры
И на север, и на запад.
Повернул лицо он к солнцу —
Что-то черное заметил,
Что-то синее на море:

⁸⁵ «То не облако ль с востока,
Не заря ли ранним утром?»
То не облако с востока,
Не заря то ранним утром —
Это старый Вяйнямёйнен,

⁹⁰ Вековечный песнопевец.
В Похьёлу свой путь держал он,
В Пиментолу направлялся,
На коне, что на солому
Иль горох похож был мастью.

⁹⁵ Лук схватил тут Ёукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
Он схватил, пылая гневом,
И направил лук прекрасный
Вяйнямёйнену на гибель,

100 Чтобы моря друг скончался.

Мать его тогда спросила,

Седовласая старушка:

«Для кого ты лук устроил,

Обложил его железом?»

105 Так ответил Ёукахайнен

И сказал слова такие:

«Вот зачем я лук устроил,

Обложил его железом:

Вяйнямёйнену на гибель,

110 Чтобы моря друг скончался.

Вяйнямёйнена сражу я,

Песнопевца Калевалы,

В сердце самое и в печень

И в лопатку я ударю».

115 Но стрелять не позволяет,

Запрещает мать-старушка:

«Вяйнямёйнена не трогай,

Песнопевца Калевалы.

Рода славного тот Вяйнё,

120 Мне по шурина племянник.

Вяйнямёйнена застрелишь,

Песнопевца Калевалы, —

Вмиг исчезнет в мире радость,

На земле погибнет песня;

125 Здесь на свете лучше радость,

На земле приятней песня,

Чем в полях подземных, темных,

В мрачном Туонелы жилище!»

Все же юный Ёукахайнен

¹³⁰ Призадумался немного,

На минуту он сдержался:

Бить одна рука велела,

Бить нещадно заставляла,

А противилась другая.

¹³⁵ Говорит слова такие

И такие молвит речи:

«Пусть погибнет в мире радость,

Пусть исчезнут в мире песни, —

Я стреляю без раздумья,

¹⁴⁰ Я стреляю без боязни».

Лук свой огненный направил,

На колене левом держит

В медь обитое оружие:

Стал на правое колено,

¹⁴⁵ Взял стрелу он из колчана,

Оперенную он вынул;

Выбрал ту, что всех покрепче,

У которой стержень лучше;

К луку он ее приладил,

¹⁵⁰ На льняную клал он нитку.

Лук свой огненный приподнял,

К правому плечу приставил,

Приготовился стрелять он,

В Вяйнямёйнена направил,

¹⁵⁵ Говорит слова такие:

«Мчись ты, кончик из березы,
Будь прямой, сосновый стержень,
И скользи, льняная нитка;
Коль рука нацелит низко,
¹⁶⁰ Пусть стрела идет повыше;
Коль нацелит слишком кверху,
Пусть стрела помчится ниже».
Наконец за спуск он дернул,
Первую стрелу пустил он;
¹⁶⁵ Высоко стрела взлетела,
Через голову на небо,
В облака расцветки пестрой
И в нахмуренные тучи.
Не печалясь, он стреляет;
¹⁷⁰ Вот пустил стрелу вторую —
Полетела слишком низко,
Глубоко воткнулась в землю,
В Манале быть захотела,
Разнести там холм песчаный.
¹⁷⁵ Тотчас он пускает третью;
Та попала прямо в печень
Вяйнямёйнена оленя,
В быстрого коня вонзилась,
Что своей похож был мастью
¹⁸⁰ На горох иль на солому,
Через мясо у подмышки,
Через левую лопатку.
И упал тут Вяйнямёйнен

Прямо пальцами во влагу,
185 Пал руками в волны моря,

Он свалился прямо в пену
Со спины лосиной синей,
С своего коня на волны.

Поднялся ужасный ветер;
190 В море сильное волнение:

Понесло оттуда старца,
От земли его отбило
На просторы вод широких,
На открытое течение.

195 Начал хвастать Ёукахайнен,

Так он громко восклицает:
«О ты, старый Вяйнямёйнен!

Никогда в течение жизни,
Никогда ты не увидишь

200 Света месяца золотого,

Вяйнёлы полей широких
И просторы Калевалы!

Шесть ты лет по морю плавай,
На волнах семь лет качайся, —

205 Восемь лет метаться будешь

На пространстве вод широких,
По открытому течению:

Как сосна на море, — шесть лет,
И как ель на волнах, — семь лет,

210 Восемь лет, как пень древесный!»

Вот в избу он воротился.

Мать его в избе спросила:
«Неужель сразил ты Вяйнё?
Сына Калевы убил ты?»

²¹⁵ Молвил юный Ёукахайнен,
Дал в ответ такое слово:
«Вяйнямёйнена сразил я,
Сына Калевы убил я.
Пусть он море расчищает,
²²⁰ Пусть метет проворно воды.

В волны илистого моря,
В мутные его потоки
Старый пальцами уперся.
Он упал на море локтем
²²⁵ И склонился прежде на бок,
А потом спиной улегся,
По морским волнам понесся,
По морской поплыл пучине».

Мать тогда сказала слово:
²³⁰ «Ты, несчастный, дурно сделал,
Что сразил ты старца Вяйнё,
Сына Калевы убил ты,
Сувантолы песнопевца,
Калевалы украшень».

Руна седьмая

1. Вяйнямёйнен много дней плавал в открытом море; его встречает орел и, благодарный ему за то, что Вяйнямёйнен оставил для него при корчевании леса нетронутую березу, берет его на свою спину и доставляет на берег Похъёлы, откуда хозяйка Похъёлы берет его к себе домой и принимает хорошо (1–274).

2. Однако Вяйнямёйнен скушает по родным местам, и хозяйка Похъёлы обещает не только отправить его туда, но и отдать ему в жены дочь, если он выкует Сампо для Похъёлы (275–322).

3. Вяйнямёйнен обещает по возвращении домой прислать кузнеца Ильмаринена, чтобы тот выковал Сампо, и получает от хозяйки Похъёлы сани и лошадь для возвращения домой (323–368).

Старый, верный Вяйнямёйнен

По волнам плывет глубоким,

Словно ветвь сосны блуждает,

Словно тощий сук от ели,

⁵ Шесть он летних дней несется,

Шесть ночей без перерыва;

Перед ним морская влага,

А над ним сияет небо.

Он плывет еще две ночи.

10 Два он долгих дня блуждает;
Наконец, девятой ночью,
Восемь дней когда минуло,
Старец чувствует досаду
И большое огорченье:

15 Сбили волны ноготь с пальца,
И на пальце нет сустава.
Тут-то старый Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

«Горе бедному мне мужу,

20 Горе мне, несчастья сыну!
Землю я свою оставил,
Из родной страны ушел я,
Чтоб теперь под вольным небом
Здесь блуждать и дни и ночи,

25 Чтоб меня мотала буря,
Чтобы волны колыхали
На пространстве вод широких,
По открытому течению.

Холодно мне жить на море,
30 Оставаться здесь мне больно,
Постоянно меж волнами
По воде морской носиться.
И не знаю, как мне жить здесь,
Как мне на море держаться:

35 Времена пришли плохие
И конец приходит жизни.
На ветру ли дом построить,

На волнах свое жилище?
Коль на ветре дом построю,
40 Не найду опоры в ветре;
На воде избу поставлю —
Отнесет ее водою».

От лапландцев мчится птица,
Тот орел из места мрака.

45 Не из очень он великих,
Не из очень также малых:
Он крыло влачит по морю,
А другим достиг до неба,
И хвостом метет он волны,
50 Клювом в скалы ударяет.

Полетел, остановился,
Посмотрел он, оглянулся,
Вяйнямёйнена увидел
На волнах морей синевших.

55 «Отчего ты, муж, — на море,
Богатырь, — на синих волнах?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

«Вот зачем я, муж, — на море,
60 Богатырь, — на синих волнах:

Шел я Похьёлы девицу,
Деву Пиментолы сватать.
Быстро мчался я по морю
Вдоль морской равнины славной

65 До тех пор, пока однажды,

В час восхода, ранним утром,
В Луотолу на берег прибыл,
В Ёуколу морским теченьем.
Там мой конь свалился мертвым,

⁷⁰ А меня сразить хотели.

Я упал тогда на волны,
В воду пальцами уперся,
Чтоб меня мотала буря.
Чтобы волны колыхали.

⁷⁵ И подул с востока ветер,

Буря с севера, с заката,
Отнесла меня от суши
На пространство вод далеких.

Много дней я так качался

⁸⁰ И ночей проплавал много
На пространстве вод обширных
По открытому теченью.

Не могу никак придумать,
Не могу понять, постигнуть,

⁸⁵ Как мне жизнь придется кончить.

Что со мною раньше будет:

Или с голоду погибну,
Иль в воде здесь утону я».

Отвечал орел небесный:

⁹⁰ «Ты нисколько не печалься!

На спине моей усядься,
У хвоста, у самой кости,
Унесу тебя из моря,

Унесу куда захочешь.

⁹⁵ Хорошо тот день я помню,

Помню доброе то время:

Жег у Калевы ты рошу,

Дерева сжигал у Осмо,

Пощадил тогда березу,

¹⁰⁰ Стройный ствол ее оставил,

Чтобы птицы отдыхали,

Чтоб я сам на ней садился».

Тут-то старый Вяйнямёйнен

По волнам поплыл поспешно;

¹⁰⁵ Из воды он смело вышел,

Богатырь из волн поднялся,

На крыло к орлу уселся,

У хвоста, у самой кости.

Вот несет орел небесный

¹¹⁰ Вяйнямёйнена седого,

Он несет его по ветру,

По пути ветров весенних,

К дальним севера границам,

К той суровой Сариоле;

¹¹⁵ Вяйнямёйнена спускает,

Сам шумит уже по ветру.

И заплакал Вяйнямёйнен,

Плачет, жалобно горюет

На краю морей широких,

¹²⁰ Там на мысе незнакомом.

На боку сто ран имел он,

Ветра тысячу ударов,
Борода поистрепалась,
Волосы висят клоками.

¹²⁵ Две и три проплакал ночи,
Дней проплакал ровно столько ж.
Но не мог найти дороги,
Хоть какой-нибудь тропинки,
Чтоб на родину вернуться,

¹³⁰ На родимую сторонку,
В ту страну, где он родился,
Где он прежде жил спокойно.
Как-то Похъёлы служанка,
Белокура, невеличка,

¹³⁵ Об заклад побилась с солнцем,
Чтобы с месяцем и солнцем
Просыпаться, вместе с ними;
Поднялась гораздо раньше,
Раньше месяца и солнца;

¹⁴⁰ Петухи еще не пели
И цыплята не кричали.
Пять овец она остригла,
Шесть ягнят остригла лучших:
Соткала сукна из шерсти,

¹⁴⁵ Шерсти выбрала на платье
Перед утренним рассветом,
Раньше, чем поднялось солнце.
Вот столы она помыла,
Пол дощатый подметает

150 Чистым веником ветвистым,

Многолистной метлою,

Сор на медную лопатку

В кучу быстро собирает

И выносит сор наружу,

155 Из дверей выносит к пашне,

К краю пахотного поля,

За плетень бросает в угол;

И стоит там возле сора,

Слышит что-то, обернулась:

160 Слышит, с моря плач несется

И от берега стенанье.

В дом к себе она уходит,

Быстро в горницу проходит

И, когда вошла, сказала,

165 Слово молвила такое:

«Я слыхала плач на море

И от берега стенанье».

Лоухи, Похъёлы хозяйка,

Редкозубая старуха,

170 Тотчас из дому выходит,

Подошла к калитке быстро,

Плач услышала далекий,

Говорит слова такие:

«Так нигде не плачут дети,

175 Так и женщины не стонут,

Плачут так одни герои,

Бородатые мужчины».

Вот столкнула в воду лодку,
Трехдощатую на волны
180 И сама гребет поспешно,
С быстротой туда стремится,
Где был старый Вяйнямёйнен,
Богатырь, который плакал.

Горько плачет Вяйнямёйнен,
185 И скорбит Увантолайнен,
В ивняке плохом он плачет
Посреди густой крушины,
Борода и рот трясутся,
Но уста его закрыты.

190 Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ах, старик ты бедный, жалкий!
Ты попал в чужую землю!»
Старый, верный Вяйнямёйнен

195 Поднял голову высоко,
Говорит слова такие:
«Сам довольно это знаю,
Что попал в чужую землю,
В незнакомые пределы;

200 Я на родине был знатен,
Дома был в великой славе».
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:

«От тебя б я знать хотела,
205 И, позволь, тебя спрошу я:

Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?»
Старый, верный Вяйнямёйнен

Говорит слова такие;

²¹⁰ «Назывался я доселе

И досель всегда считался
Радостью родного края
И певцом в родных долинах,
В долах Вяйнёле широких,
²¹⁵ На полянах Калевалы.

А теперь в моем несчастье
Сам себя не узнаю я».

Лоухи, Похьёлы хозяйка,

Говорит слова такие:

²²⁰ «Так из сырости ты выйди

И пройди ко мне тропинкой,
Расскажи свое несчастье
И судьбу свою поведай».

Вот его из места плача

²²⁵ И из места злой кручины

Лоухи в лодку принимает,
На конец ладьи сажает,
И сама гребет старуха,
Направляет Лоухи лодку,
²³⁰ Прямо в Похьёлу стремится,
В дом свой гостя доставляет.
Там голодного кормила,
Платье мокрое сушила

И неделю растирала,
235 Растирала, согревала;
Старец выздоровел скоро,
Стал герой опять здоровым.

Начала расспросы Лоухи,
Говорит слова такие:
240 «Отчего так, Вяйнямёйнен,

Плакал ты, Увантолайнен,
В этой местности угрюмой,
На краю большого моря?»
Старый, верный Вяйнямёйнен

245 Говорит слова такие:
«Есть для слез моих причина,
Есть для слез и для рыдания.

Я ведь долго в море плавал,
И меня там били волны
250 На пространстве вод широких,
По открытому течению.

Оттого так долго плачу
И, пока я жив, страдаю,
Что я родину оставил,

255 Из знакомых мне пределов
Прохожу в чужие двери
В незнакомые ворота;
Тяжела мне здесь береза,

И ольха меня здесь режет,
260 Здесь деревья точно ранят,
Ветка каждая дерется.

Только ветер – мой знакомый,
Только солнце – друг мой прежний
Здесь, в пределах чужеземных
265 У дверей, мне незнакомых».

Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, о Вяйнямёйнен,
Не горюй, Увантолайнен:
270 Хорошо б тебе остаться,
Проводить бы здесь все время,
Есть бы семгу на тарелке,
Есть бы также и свинину».
Молвил старый Вяйнямёйнен,

275 Сам сказал слова такие:
«Не прошу чужой я пищи,
На чужбине самой лучшей;
Всего лучше людям дома,
Каждому там больше чести.

280 Ниспошли, о боже добрый,
Дай, творец, любовью полный,
Вновь домой мне возвратиться,
Вновь на родину вернуться!

Лучше лаптем воду черпать
285 У себя, в родной сторонке,
Чем в стране чужой, далекой
Мед – сосудом драгоценным».

Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:

290 «Что ты дать мне обещаешь,

Если я тебя доставлю

На родимую сторонку,

Довезу до самой бани?»

Молвил старый Вяйнямёйнен;

295 «А чего бы ты хотела,

Если ты меня доставишь

На родимую сторонку,

Чтобы слышать клич кукушки,

Услыхать там птицы пенье —

300 Шапку золота ты хочешь?

Серебра ль возьмешь ты шапку?»

Лоухи, Похёлы хозяйка,

Говорит слова такие:

«О ты, мудрый Вяйнямёйнен,

305 Вековечный песнопевец!

Я на золото не падка,

В серебре я не нуждаюсь:

Золото – цветочки детям,

Серебро – коней убранство;

310 Сможешь ли сковать ты Сампо,

Крышку пеструю устроить,

Взяв конец пера лебедки,

Молока коров нетельных

Вместе с шерстью от овечки

315 И с зерном ячменным вместе?

Так ты девушку получишь,

Дочь мою, себе в награду.

И домой тебя доставлю,
Чтоб ты слушал там кукушку,
320 Чтоб ты слушал птички пеньё

На полях родного края».
Старый, верный Вяйнямёйнен

Говорит слова такие:

«Не могу сковать я Сампо,

325 Крышку пеструю украсить,

Но, когда домой приеду,

Ильмаринена пришлю я:

Пусть тебе скует он Сампо,

Крышку пеструю устроит,

330 Пусть он дочь твою получит,

Пусть ее составит счастье.

Он – кузнец, и первый в мире,

Первый мастер он в искусстве.

Ведь он выковал уж небо,

335 Крышу воздуха сковал он,

Так, что нет следов оковки

И следов клещей не видно».

Лоухи, Похьёлы хозяйка,

Говорит слова такие:

340 «Дочь мою тому отдам я,

Лишь тому я обещаю,

Кто сковать мне может Сампо,

Крышку пеструю украсить,

Взяв конец пера лебедки,

345 Молока коров нетельных

Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе».
Вот взнуздала жеребенка,
Запрягла гнедого в сани,
³⁵⁰ Вяйнямёйнена сажает,
Посадила старца в сани,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Головы не поднимай ты,
³⁵⁵ Не поглядывай на небо,
Конь покуда не устанет,
Не приблизится уж вечер.
Если голову поднимешь
И на небо поглядишь ты,
³⁶⁰ То тебя беда постигнет
И судьба постигнет злая».
Вот ударил Вяйнямёйнен
По коню и быстро мчится,
Опустил свободно вожжи,
³⁶⁵ Шумно едет по дороге
Из той Похьёлы туманной,
Из суровой Сариолы.

Руна восьмая

1. По дороге Вяйнямёйнен видит красиво одетую девушку Похъёлы и просит её стать его женой (1–50).

2. Девушка в конце концов соглашается исполнить его желание, если он сделает лодку из кусков веретена и спустит её на воду, совсем к ней не прикасаясь (51–132).

3. Вяйнямёйнен начинает стругать, топором разрубает себе колено и никак не может остановить кровотечение (133–204).

4. Он отправляется искать человека, который знает способ заговаривать кровь, и находит старика, который обещает остановить кровотечение (205–282).

Мрачной Похъёлы красотка,

Красота земли и моря,

На дуге сидит воздушной,

На изгибе круглом неба,

⁵ В платье чистое одета,

В одеянье белой ткани;

Ткет одежду золотую,

Серебром всю украшает,

Золотой челнок проводит

¹⁰ По серебряному берду,

И челнок, жужжа, стремится,

Быстро бегаёт катушка,

Быстро движется основа

И серебряное бердо

¹⁵ При тканье прекрасной девы,

Серебром прилежно ткавшей.

Старый, верный Вяйнямёйнен

Шумно едет по дороге

Из той Похьёлы туманной,

²⁰ Из суровой Сариолы.

Недалеко он отъехал,

Он промчался лишь немного,

Слышит: вот челнок по берду

Зажужжал над головою.

²⁵ Старец голову приподнял

И взглянул тогда на небо:

Вот стоит дуга на небе,

На дуге сидит девица,

Ткет одежду золотую,

³⁰ Серебром всю украшает.

Старый, верный Вяйнямёйнен

Останавливает лошадь,

Говорит слова такие

И такие молвит речи:

³⁵ «Ты сойди, девица, в сани,

Ты садись со мною рядом».

И ответ дала девица,

Так сказала и спросила:

«Что же я на этих санках,

⁴⁰ Что, девица, буду делать?»

Старый, верный Вяйнямёйнен

Так на это отвечает:

«Ты затем сойди, девица,

Ты затем садись на сани,

⁴⁵ Чтобы с медом печь мне хлебы.

Будешь пиво мне готовить,

На скамье споешь приятно,

У окна ты развлечешься,

В крае Вяйнёлы, на поле,

⁵⁰ По подворьям Калевалы».

Но девица отвечает,

Говорит слова такие:

«Я пошла на луг цветистый,

На желтеющее поле

⁵⁵ Вечерком вчера пошла я,

Как уж солнце закатилось.

Вдруг я слышу пенье птички.

Слышу – дрозд поет на ветке,

И поет девичьи думы,

⁶⁰ Размышления невесты.

Я сказала доброй птичке,

У нее я так спросила:

„Ты скажи мне, милый дроздик,

Спой, чтоб было мне понятно,

⁶⁵ Как на свете жить приятней,

Как прожить на свете лучше:

У отца ли жить девицей

Или с мужем жить женою?“

Отвечает так синица,

⁷⁰ Дрозд на ветке так щебечет:

„Летом дни теплы и ясны,

Но теплее жить девице;

Холодно зимой железо,

Холодней жене живется;

⁷⁵ Дома девушка на воле —

Точно ягодка на поле,

А жена при муже – точно

На цепи сидит собака.

Редко раб увидит ласку,

⁸⁰ Но жена совсем не видит“».

Старый, верный Вяйнямёйнен

Говорит слова такие:

«То пустое птичье пенье,

И дрозда напевы глупы:

⁸⁵ Вечно девушка – ребенок,

Только жен лишь уважают.

Ты сойди, девица, в сани,

Ты садись со мною рядом;

Я ведь – муж незаурядный,

⁹⁰ Богатырь, других не хуже!»

Молвит девушка разумно,

Говорит слова такие:

«Я тебя сочту героем

И тогда признаю мужем,

⁹⁵ Если ты разрежешь волос,

Но чтоб нож без острия был,

Если ты яйцо завяжешь —
Но чтоб узел не был виден».

Старый, верный Вяйнямёйнен

¹⁰⁰ Волос тотчас разрезает,
Но ножом ненавостренным,

Лезвия совсем лишенным;

Завязал яйцо он в узел,

И тот узел не был виден.

¹⁰⁵ Просит сесть девицу в сани,

Просит он занять сиденье.

Молвит девушка разумно:

«Я к тебе усядусь в сани,

Если ты обточишь камень,

¹¹⁰ Изо льда жердинки срежешь,

Чтоб не сыпались кусочки,

Чтоб пылинка не слетела».

Старый, верный Вяйнямёйнен

Не задумался нисколько.

¹¹⁵ Обточил он быстро камень,

Изо льда жердинки сделал,

И не сыпались кусочки,

И пылинка не слетела.

Вновь зовет он деву в сани,

¹²⁰ Вновь девицу на сиденье.

Молвит девушка разумно,

Говорит слова такие:

«За того я замуж выйду,

Кто мне выстругает лодку

125 Из обломков веретенца,
Из кусков моей катушки;
Пустит на воду ту лодку,
Новый челночок на волны,
Не толкнув ее коленом,
130 Не дотронувшись ладонью,
Не вертя при том рукою
И не расправляя плечи».
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорил слова такие:
135 «Никого здесь не найдется,
Под небесной этой кровлей,
Кто, как я, построит лодку,
Кто так выстругать сумеет».
Взял обломки веретенца,
140 Взял кусочки от катушки
И спешит построить лодку:
Сто досок соединяет
На горе стальной, огромной,
На скале ее железной.
145 Он выстругивает лодку
И работает прилежно.
День работает, другой день,
Уж работает и третий,
Топором не колет камень,
150 Лезвием скалу не рубит.
Вот на третьи сутки Хийси
Вдруг хватает топорище,

Лезвие хватает Лемпо,
Топорищу придал силы,
155 И топор к скале стремится,
Лезвие несется к камню;
Отскочил топор от камня,
Лезвие вонзилось в тело,
Мужу бедному в колено,
160 В палец на ноге у Вяйнё;
Лемпо режет старцу тело,
Жилы Хийси разрывает,
Кровь тут хлынула потоком,
Потекла со всею силой.

165 Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:

«Ты, топор остроконечный
170 С лезвием железным, гладким!

Мнил ты, что рубил деревья,
Воевал с косматой елью,
Направлялся к диким соснам,
Враждовал с березой белой, —

175 В миг, когда в меня вонзился,
Разрубил живые жилы».

Начал старец заклинанья,
Говорит и вспоминает
Зол земных происхождение;
180 Вспомнил каждое он слово.

Одного не вспомнит только:
Заклинаний о железе,
Чтоб на них повязку сделать,
Чтоб замок из них устроить
¹⁸⁵ На тяжелые порезы,
На синеющие раны.
Вот ручьями кровь сбегает,
Как поток, стремится шумно,
Покрывает стебли ягод.
¹⁹⁰ Залила траву в полянах,
Не осталось ни травинки —
Все покрыто было кровью,
Все залил поток могучий;
Он сбегал, бушуя грозно,
¹⁹⁵ С богатырского колена,
С пальца на ноге у Вяйнё.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Лишай сдирает с камня,
Мох собирает на болоте,
²⁰⁰ На земле срывает травы,
Чтоб закрыть отверстие злое,
Запереть большую рану;
Но ничто не помогает,
Кровь по-прежнему струится.
²⁰⁵ Удрученный тяжелой болью,
Он еще сильнее страдает.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Начинает горько плакать,

Заложил коня поспешно

²¹⁰ И запряг гнедого в сани,
Сам на них с трудом поднялся,
Поместился на сиденье.

Вот кнутом коня ударил,
Вот стегнул хлыстом хорошим —

²¹⁵ Бодро конь бежит оттуда,
Путь становится все меньше;
Подъезжает он к деревне,
Там он видит три дороги.
Старый, верный Вяйнямёйнен

²²⁰ Едет нижнею дорогой,
Стал у нижнего строенья,
У порога стоя, молвил:
«Не найдется ль в этом доме,

Кто б лечил следы железа,
²²⁵ Узнавать бы мог болезни,
Исцелил герою рану?»

На полу сидел малютка,
У печи сидел ребенок,
Дал в ответ слова такие:

²³⁰ «Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Мог бы боль унять героя,
Положить конец страданью,
Исцелить герою рану.

²³⁵ Загляни в жилье другое,
Поезжай к другому дому!»

Старый, верный Вяйнямйнен

Вновь коня кнутом ударил,

Быстро едет по дороге;

²⁴⁰ Проезжает недалеко,

Едет среднею дорогой,

Стал у среднего строенья,

У порога стоя, молвил

И спросил перед окошком:

²⁴⁵ «Не найдется ль в этом доме,

Кто б лечил следы железа,

Удержал бы реку крови,

Положил конец потоку?»

Там укрытая старушка

²⁵⁰ Перед печкою лежала

И ответила охотно,

Постучав тремя зубами:

«Никого нет в этом доме,

Кто б лечил следы железа,

²⁵⁵ Крови знал происхожденье,

Успокаивал бы боли.

Загляни в жильё другое,

Поезжай к другому дому!»

Старый, верный Вяйнямйнен

²⁶⁰ Вновь коня хлыстом ударил,

Быстро мчится по дороге,

Проезжает недалеко,

Едет верхнею дорогой,

Стал у верхнего строенья;

265 У порога стоя, молвил
И сказал он под навесом:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Кто унял бы реку крови,
270 Положил конец потоку?»
Там старик седобородый
Наверху, на печке грелся;
Пробурчал оттуда старый,
Закричал седобородый:
275 «И не то еще сдержали,
И не то остановили
Три могучих божьих слова —
Повесть о вещи начале;
Так утихли водопады,
280 Реки бурные смирились,
Также бухты у мысочков
И за косами заливы».

Руна девятая

1. Вяйнямёйнен рассказывает старику о происхождении железа (1–266).

2. Старик бранит железо и произносит заклинания; кровь перестает течь (267–418).

3. Старик заставляет своего сына приготовить снадобье, смазывает и перевязывает рану; Вяйнямёйнен выздоравливает и благодарит бога за помощь (419–586).

Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Сам он быстро встал на санках

И без помощи выходит,
Без поддержки приподнялся,

⁵ Из саней пошел в жилище,
Дальше в горницу проходит.

Из серебра приносят кружку,
Чашку ставят золотую,

Но она вмещает мало,

¹⁰ Незначительную долю
Благородной крови Вяйнё

Из его глубокой раны.

Забурчал на печке старый,

Закричал седобородый:

¹⁵ «Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?»

Ведь семь лодок крови вышло,
Восемь кадок глубочайших;
Кровь из твоего колена

²⁰ На пол пролилась, бедняга!

Много разных слов я знаю,
Но не знаю о начале,
О рождении железа
И о первом росте стали».

²⁵ Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:

«Знаю сам начало стали
И рождение железа.

Воздух – мать всему на свете,

³⁰ Старший брат – водой зовется,
Младший брат воды – железо,
Средний брат – огонь горячий».

Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,

³⁵ Отделил от неба воду,
Разделил он воду с сушей;
Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.

Укко, этот бог верховный,

⁴⁰ Протянул однажды руки
И потер их друг о дружку

На своем колене левом:

Появились три девицы,
Эти дочери творенья,

45 Эти матери железа
И голуборотой стали.
Вот пошли они, колышась,
В облаках они ступают,
Молоком полны их груди,
50 И сосцы отяжелели.
Молоко течет на землю,
Грудью полной орошают
Девы землю и болота,
Тихо дремлющие воды.
55 Каплей черною стекает
Молоко у девы старшей,
У второй же девы, средней,
Каплей белую стекает,
А у той, что всех моложе,
60 Каплей красною сбегает.
И из черных этих капель
Вышло мягкое железо;
Где же белые упали —
Сталь упругая явилась;
65 А из красных капель вышло
Лишь некрепкое железо.
Так недолго продолжалось,
Вот железо захотело
Брата старшего увидеть,
70 Завести с огнем знакомство.
Но огонь бушует страшно
И растет с ужасной силой,

Сжечь несчастного он хочет,
Брата младшего – железо.

⁷⁵ Но железо убегает
И спасается поспешно
От огня, от рук ужасных,
От его злодейской пасти.

И бежит оно далеко,
⁸⁰ Для себя защиты ищет
В зыбких топях и болотах
И в потоках быстротечных,
На хребте болот обширных
И в обрывах гор высоких,

⁸⁵ Где несут лебедки яйца,
Где сидят на яйцах гуси.
И в болоте, под водою,
Распростерлося железо,
Там скрывается два года,

⁹⁰ Там скрывается и третий
Между пнями двух деревьев,
Между трех корней березы.
Но совсем не убежало
От огня объятий диких,

⁹⁵ И еще ему пришлось
Увидать огня жилище,
Чтобы там в мечи и копья
Превратиться от каленья.

По болоту волк стремится,
¹⁰⁰ Из лесу медведь выходит,

И колышет волк трясину,
И медведь болото топчет.
Поднимается железо,
Вырастают прутья стали,
¹⁰⁵ Где ступает волк ногою,
Где медведь ступает лапой.
Вот родился Ильмаринен,
Он родился, подрастает.
На горе углей родился,
¹¹⁰ Рос на угольной поляне,
И в руке он молот держит,
В кулаке щипцы сжимает.
Темной ночью он родился,
Днем уж кузницу он строит,
¹¹⁵ Место кузнице он ищет,
Где мехи свои поставить.
Увидал сырую землю,
То болото все в холмочках;
Поглядеть туда идет он,
¹²⁰ Рассмотреть вблизи болото;
Ставит там свое горнило
И мехи он размещает.
По следам идет он волчьим,
По следам медвежьей лапы,
¹²⁵ Видит отпрыски железа,
Видит прутья синей стали
На следах глубоких волка,
На следах больших медведя.

Говорит слова такие:

¹³⁰ «О ты, бедное железо!

Здесь тебе плохое место,
Ты лежишь здесь очень низко,
Где идут болотом волки,
Где медведь ступает лапой!»

¹³⁵ Он подумал и размыслил:

«А что будет, если брошу
Я в огонь железо это,
Положу его в горнило?»

Испугалось железо,

¹⁴⁰ В ужасе оно трепещет

Пред безумной силой жара,
Как услышало те речи.

И кузнец тот Ильмаринен

Молвил: «Этого не будет:

¹⁴⁵ Не сожжет огонь родного,

Соплеменников не тронет.

Ты пойдешь к огню в жилище,

Где живет, укрывшись, пламя:

Там ты вырастешь прекрасно,

¹⁵⁰ Там ты сделаешься сильным,

Станешь ты мечом для мужа

И застежками для женщин!»

В тот же день и в тот же вечер

Из болот железо взяли,

¹⁵⁵ Там на дне его отыли,

Принесли его к горнилу.

Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила
И мехи привел в движенье,
¹⁶⁰ Трижды дуть их заставляет.
Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для черных хлебов тесто,
¹⁶⁵ Там, в огне кузнечном сильном,
В ярком пламени горнила.
И воскликнуло железо:
«О кузнец ты, Ильмаринен,
Унеси меня отсюда,
¹⁷⁰ Здесь меня терзает пламя!»
Так ответил Ильмаринен:
«Коль тебя отсюда выну,
Может, станешь ты ужасным,
Станешь слишком беспощадным,
¹⁷⁵ Своего порежешь брата,
Сына матери поранишь».
Поклялось тогда железо,
Поклялось сильнейшей клятвой
Пред горнилом, наковальней,
¹⁸⁰ Перед молотом кузнечным,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Есть деревья для пореза,
Можно сердце рвать у камня.

185 Я не буду резать брата,
Сына матери не трону;
Жизнь моя приятней будет
И житье мое привольней,
Если к людям попаду я,
190 Послужу ручным орудьем,
Чем свое мне племя резать,
Чем своих родных мне ранить».
И кузнец тот, Ильмаринен,
Тот кователь вековечный,
195 Из огня железо тащит,
Положил на наковальню,
Бьет его, чтоб стало мягче,
Вещи острые кует он,
Топоры кует и копья,
200 Вещи разные сковал он.
Но еще железу мало,
Надо бедному прибавить:
Не готов язык железа
И не вырос рот у стали,
205 Ведь не закалить железо,
Коль не намочить водою.
И кузнец тот Ильмаринен
Сам об этом поразмыслил,
Положил золы немного,
210 Щелоку чуть-чуть прибавил
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.

Языком он смесь отведал,
Про себя он рассуждает,
215 Говорит слова такие:
«Эта смесь не обратится
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа».
Вот с земли пчела взлетела,
220 Синекрылая из травки;
Полетав, остановилась
У кузнечного горнила.
И кузнец промолвил слово:
«Пчелка, быстрый человечек!
225 Принеси медку на крыльях,
Языком достань ты сладость
Из шести цветочных чашек,
Из семи верхушек травных,
Чтобы сталь мне изготовить,
230 Чтобы выправить железо!»
Слышит шершень, Хийси птичка,
Услыхал он эти речи:
С кровли кузницы смотрел он,
На бересте кровли сидя,
235 Как калилась сталь в горниле,
Как готовилось железо.
С быстротой летит оттуда,
Сыплет ужасами Хийси
И приносит змей шипенье,
240 Черный яд гадюки злобной,

Муравьиный яд приносит
И сокрытый яд лягушки
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.

²⁴⁵ А кузнец тот, Ильмаринен,

Вековечный тот кователь,

Пораздумал и помыслил,

Что та пчелка, прилетевши,

Сладкий мед ему приносит,

²⁵⁰ Меду в сотах доставляет,

И сказал слова такие:

«Рад, что принесла мне это

В жидкость для закалки стали,

В сок для крепости железа».

²⁵⁵ Сталь туда он погружает,

Погружает и железо,

Из огня железо вынул,

Из горнила сталь он поднял.

Вышла сталь оттуда злою,

²⁶⁰ Злобным сделалось железо

И нарушило присягу,

Как собака, съело клятвы;

Без пощады режет брата

И родных с ужасной злобой,

²⁶⁵ Заставляет кровь струиться

И бежать из раны с шумом.

Закачал старик на печке

Бородой и головою:

«Знаю я теперь начало
²⁷⁰ И коварный нрав железа.

Злое, жалкое железо,
Ты, изгарина дрянная,
Сталь с могуществом ужасным!

Так-то ты росло на свете,
²⁷⁵ Так-то сделалось ты страшным,
Чересчур уже великим!

Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Ты ведь не было красивым,

²⁸⁰ Прежде не было могучим,

Молоком новорожденным
Ты покойно исходило
Из сосцов прекрасных девы,
Из девичьей полной груди

²⁸⁵ На краю обширной тучи,
Посредине небосвода.

Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как ты было словно влага,

²⁹⁰ Словно струйка ключевая
На хребте болот широких;
У крутой скалы, в уступе,
Ты комком земли лежало,
Ты лежало пылью ржавой.

²⁹⁵ Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,

Как тогда тебя в болоте
И олень и лось топтали,
Как тебя давили волки
300 И медведь царапал лапой.

Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тебя из топи вынул,
Потащил из почвы черной,
305 Прямо в кузницу доставил,

Бросил к горну Ильмаринен.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как изгарина, шипело,

310 Кипятком ты клокотало
В страшном огненном пространстве,
Как клялось ты страшной клятвой
Перед горном, наковальной,
Перед молотом кузнечным,

315 Пред горячим дном горнила,
Где кузнец тогда работал.

Ныне ль ты великим стало,
Сильной ярости достигло,
Клятву страшную забыло,

320 Честь свою, как пес, сожрало:

Свой же род ты полосуешь
И своих родных кусаешь?
Кто ж тебя ко злу понудил,
Кто внушил дела дурные?

325 Твой отец иль мать родная,
Был ли то твой брат старейший,
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?

Не отец, не мать родная

330 И не брат родной старейший,

Не сестра твоя меньшая

И никто другой из рода;

Ты само – источник бедствий;

Ты – начало дел ужасных.

335 Вот, смотри свою работу

Да приди беду поправить;

Иль скажу твоей родимой,

Я пожалуюсь старухе.

Много матери заботы,

340 Тяжело бывает старой,

Если сын дурное сделал,

Если дерзко поступил он.

Не хлещи ты, кровь, потоком,

Ты не бей струею теплой,

345 Перестань на лоб мне брызгать,

Обливать мне грудь потоком;

Как стена, ты стань недвижно,

Как забор, ты стой спокойно,

Стой, как меч, упавший в море,

350 Как во мху стоит осока,

Как стоит на поле глыба,

Как скала средь водопада.

Если ж непременно надо,
Чтоб ты быстро устремлялась,
355 Ну, так двигайся ты в мясе,
По костям ты бегай быстро:
Там тебе гораздо лучше,
В коже много превосходней
Пробегать тебе по жилам,
360 По костям передвигаться,
Чем на землю изливаться,
Перемешиваться с пылью.
Молоко, не лейся в землю,
На траву не изливайся,
365 Ни на дерн, мужей украса,
Ни на холм, героев злато:
Проживать должно ты в сердце,
В легких погреб свой устроить,
Поспешай туда обратно,
370 Возвратись туда скорее.
Нет нужды ручьем стремиться
И как озеро разлиться
Или бить ключом болотным,
В поле лужей расстилаться.
375 Смирно стой, не изливайся,
Кровь ты красная, не лейся,
Будь смирна, сама сдержись ты!
Водопад на Турья стал же,
Туонелы река смирилась,
380 Море высохло и небо

В лето засухи великой,
В год огня, мучений полный.

Если ж этому не внимлешь,
Я пути другие знаю,

³⁸⁵ Знаю я, чего искать мне:

Я возьму котел у Хийси,
Чтобы кровь в нем поварилась,
Там она калиться будет,

И не вытечет ни капли,

³⁹⁰ Красный сок не будет литься,

Не падет уж кровь на землю,

Не польет, свистя, из раны.

Иль не богатырь я больше,

Старца сын, уж не герой я,

³⁹⁵ Чтоб сдержать стремленье крови,

Запрудить из жил потоки?

О! так есть отец великий,

Есть творец, живущий в тучах;

Из мужей он самый сильный,

⁴⁰⁰ Из героев самый мощный:

Крови рот зажать он может,

Он уймет ее стремленье.

О ты, Укко, бог верховный,

Ты, отец и бог небесный,

⁴⁰⁵ Снизойди: тебя мне нужно!

Снизойди: тебя зову я!

Ты сдави рукою сильной,

Нажимай ты толстым пальцем,

Да покрепче, эту рану
410 И запри отверстие злое,
Положи листочков нежных
И рассыпь цветы златые,
Чтоб закрыть дорогу крови,
Запрудить ее потоки,
415 Чтоб она не шла на платье,
Бороду не заливала».
Так потоки укротил он,
Запрудил дорогу крови.
Сына в кузницу послал он,
420 Чтобы мази приготовить,
Взяв травы волокон нежных
И в цвету тысячелистник,
Взяв медовых сладких капель
Да собрав частицы сотов.
425 Мальчик в кузницу уходит,
Чтобы мази приготовить.
На пути он дуб встречает
И у дуба вопрошает:
«Есть ли мед в ветвях широких,
430 Соты под корой дубовой?»
Отвечает дуб разумно:
«Мед еще вчера ведь капал
По ветвям моим широким,
Мед повис в моей вершине,
435 С облаков, вверху шумящих,
С тех барашков мимолетных».

Взял он щепочку от дуба,
Крошку мягкой древесины,
Много трав сорвал хороших,
⁴⁴⁰ Злаков самых разнообразных,
Что не только в этом крае,
Но и в прочих неизвестны.
Их в котел кипящий бросил,
Смесь он крепкую составил
⁴⁴⁵ Из щепы коры дубовой
И из трав, прекрасных видом.
Вот шумит котел кипящий,
Он кипит подряд три ночи
И подряд три дня весенних.
⁴⁵⁰ Смотрит мальчик: что-то вышло,
Хорошо ли мазь вскипела,
Может, снадобье готово?
Мазь, однако, не готова,
Не такое вышло средство.
⁴⁵⁵ Трав еще он в смесь прибавил,
Злаков самых разнообразных,
Что в иных местах далеких,
Миль за сотню, собирали
Девять сильных чародеев,
⁴⁶⁰ Восемь знахарей могучих.
Он еще три ночи варит,
Варит девять ночек сряду
И с огня котел снимает.
Смотрит мазь он осторожно:

465 Средство нужное поспело ль,
Мазь волшебная готова ль?
Там ветвистая осина
На краю росла поляны,
Только сильно подломилась
470 И совсем почти упала;
Он ее помазал смесью
И потер волшебной мазью,
Сам сказал слова такие:
«Через то, что этой смесью
475 Кривизну я здесь помажу
И залью я мазью рану,
Пусть осина исцелится
И еще пусть крепче станет».
Тут поправилась осина
480 И еще вдруг крепче стала:
Поднялась вершина стройно,
Укрепился ствол высокий.
Стал он мазать этой мазью,
Покрывать волшебным средством
485 И расколотые камни,
И рассекшиеся скалы:
Вновь срастались половины
И куски соединялись.
Мальчик кузницу оставил,
490 Мазь целительную сделав;
Приготовил это средство,
В руки старому он подал:

«Вот состав с большою силой,
Вот испытанное средство:

⁴⁹⁵ Крепко сплачивает горы,
Быстро связывает скалы».

В рот кладет лекарство старый
На язык для испытанья

И находит средство годным,
⁵⁰⁰ Эту мазь вполне удачной.

Вяйнямёйнена он мажет,
Лечит все следы ранений,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет мазью посредине;

⁵⁰⁵ Говорит слова такие
И такие молвит речи:

«Не с своей иду я плотью,
Во плоти творца иду я;
Не своей стремлюся силой,

⁵¹⁰ Силой мощного стремлюся;

Не мои уста здесь молвят,
Молвлю вышнего устами;
И в моих устах есть милость,
Но уста творца богаче;

⁵¹⁵ И в моей руке есть прелесть,
Но рука творца прекрасней».

Только он помазал мазью,
Только средство приложил он,
Стал вдруг корчиться от боли

⁵²⁰ И свалился Вяйнямёйнен:

Он и так и сяк вертится,
Но покоя не находит.
Изгоняет старец боли,
Гонит сильные мученья,
⁵²⁵ Шлет их внутрь горы болезней
И наверх холма мучений,
Чтобы камни заболели,
Чтобы мучились утесы.
Ленты шелковые взял он,
⁵³⁰ Режет ленты он на части,
Рвет он ленты на полоски,
Сделал старец перевязки;
Обвязал он этим шелком,
Обмотал весьма искусно
⁵³⁵ Вяйнямёйнена колено
И больной героя палец.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Божий шелк повязкой служит,
⁵⁴⁰ Лента божья – перевязкой
На колене славном мужа
И на пальце, полном силы.
Ты взгляни, о бог прекрасный,
Защити, творец могучий,
⁵⁴⁵ Чтобы нам не ведать бедствий,
Чтобы нам не знать несчастий».
Старый, верный Вяйнямёйнен
Скоро помощь ощущает

И становится здоровым.

⁵⁵⁰ Тело стало вновь красивым,

Снизу стало исцеленным,

И внутри вполне окрепшим,

И с боков неповрежденным,

И снаружи без порезов,

⁵⁵⁵ Превосходнее, красивей,

Чем когда-либо бывало.

Уж ступить ногою может,

Может он сгибать колено

Без малейшей даже боли,

⁵⁶⁰ Безо всяких затруднений.

И поднялся Вяйнямёйнен,

Выше поднимает очи,

Смотрит с радостью великой

Через голову на небо;

⁵⁶⁵ Говорит слова такие

И такие молвит речи:

«Да, оттуда сходит милость,

Помощь верная оттуда,

Вот оттуда, с выси неба,

⁵⁷⁰ От творца с могучей силой.

Да прославится создатель,

Да восхвалится всевышний!

Ниспослал ко мне он помощь,

Дал он мне свою защиту

⁵⁷⁵ При моих ужасных муках,

При страданиях от железа!»

Молвил старый Вяйнямёйнен,

Говорит слова такие:

«Ты, народ, что после будешь,

⁵⁸⁰ Племя, что потом возникнешь!

Челнока на спор не делай,

Лодку выгнуть не похвастай:

Только бог кончает дело,

Лишь творец конец дарует;

⁵⁸⁵ Без него герои слабы,

Руки сильного бессильны!»

Руна десятая

1. Вяйнямёйнен возвращается домой и предлагает Ильмаринену идти свататься за девушку из Похъёлы, которую он может получить, если выкует Сампо (1–100).

2. Ильмаринен не хочет ехать в Похъёлу. Вяйнямёйнен вынужден отправить его в путь вопреки его желанию (101–200).

3. Ильмаринен прибывает в Похъёлу, его принимают хорошо и предлагают выковать Сампо (201–280).

4. Ильмаринен выковывает Сампо, и хозяйка Похъёлы воздвигает Сампо на каменной горе Похъёлы (281–432).

5. Ильмаринен просит в жены девицу в вознаграждение за работу; девица выдумывает отговорки и говорит, что уйти из дому еще не может (433–462).

6. Ильмаринен получает лодку, возвращается домой и рассказывает Вяйнямёйнену, что он уже выковал Сампо в Похъёле (463–510).

Старый, верный Вяйнямёйнен

Своего коня выводит,

Жеребенка запрягает.

Вот запряг гнедого в сани,

⁵ Сам в санях тогда уселся,

Поместился на сиденье.

Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он кнутом жемчужным,
Быстро конь бежит дорогой,
¹⁰ Лишь мелькает та дорога,
И стучат саней полозья,
Да трещит дуга сухая.

Он оттуда мчится с шумом
По полям и по болотам,
¹⁵ По равнинам и полянам;

День он едет и другой день,
Наконец, уже на третий,
Он подъехал к переправе,
Калевалы на границу,

²⁰ На рубеж поляны Осмо.
Там сказал слова такие

И такие молвил речи:
«Волк! Сожри того сонливца,
Ты, болезнь, убей лапландца!

²⁵ Он сказал, что не добраться,
Не домчаться мне до дома
И живым не воротиться
И, пока сияет месяц,

Мне ни Вяйнёлы не видеть,
³⁰ Ни песчаной Калевалы».

Начал старый Вяйнямёйнен,
Начал петь весьма искусно
И напел златую елку —
Верх и ветви золотые,

35 Поднялась вершиной в небо,
Головой уперлась в тучи,
Высоко взметнула ветви,
Протянула их до неба.

Он поет и заклиняет,

40 И выходит светлый месяц
На золотой верхушке ели,
И Медведица на ветках.
Едет шумно он оттуда,
Мчится прямо в край родимый,

45 Опустив главу, печальный,
Шапка на сторону сбилась,
Ибо сильный Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Им обещан как заложник,

50 Чтоб главу свою избавить,
В Похьёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу.

Удержав коня поспешно
На поляне новой Осмо,

55 Вышел старый Вяйнямёйнен
Из саней, пестревших краской.
Слышны в кузнице удары,
В доме угля слышен молот.

Старый, верный Вяйнямёйнен

60 Тотчас к кузнице подходит,
Ильмаринена там видит.
Тот, не мешкая, работал.

Молвил старцу Ильмаринен:

«О ты, старый Вяйнямёйнен!

⁶⁵ Где так долго оставался,

Где так долго, старый, прожил?»

Старый, верный Вяйнямёйнен

Говорит слова такие:

«Вот где прожил я так долго,

⁷⁰ Где все время оставался:

В Похьёле той вечно мрачной,

В той суровой Сариоле,

Я в Лапландии там прожил,

Средь лапландских чародеев».

⁷⁵ Молвил старцу Ильмаринен

И сказал слова такие:

«О ты, старый Вяйнямёйнен,

Вековечный прорицатель!

Расскажи о том, как жил ты,

⁸⁰ Как на родину вернулся?»

Молвил старый Вяйнямёйнен:

«Расскажу тебе я много.

Есть на севере девица,

Там в селе холодном дева;

⁸⁵ Жениха она не ищет,

Мужа славного не хочет.

И пол-Похьёлы суровой

Славит дивную девицу:

Лунный свет с висков сияет,

⁹⁰ Солнца свет с груди струится,

С плеч Медведицы сиянье,
Со спины свет семизвездный.

О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!

⁹⁵ Увези пойдя девицу,
Посмотри пойдя на косы!

Если выкуешь ты Сампо,
Крышку пеструю украсишь,
Ты возьмешь в награду деву,

¹⁰⁰ Ту девицу за работу».

Отвечает Ильмаринен:

«О ты, старый Вяйнямёйнен!

Не обещан ли тобой я

В Похьёлу, в страну тумана,

¹⁰⁵ Чтоб главу твою спасти мне,

Самого тебя избавить?

Не пойду, пока живу я

И пока сияет месяц,

В избы Похьёлы туманной,

¹¹⁰ В те жилища Сариолы,

Где героев пожирают,

Где мужей бросают в море».

Молвил старый Вяйнямёйнен,

Он сказал слова такие:

¹¹⁵ «Есть еще другое чудо.

Ель растет с главой цветущей

И с ветвями золотыми

На краю поляны Осмо:

На вершине светит месяц
120 И Медведица на ветках».

Отвечает Ильмаринен:

«Не поверю в то, покамест
Не увижу сам я чудо,
Не взгляну я сам глазами».

125 Молвил старый Вяйнямёйнен:

«Если ты не хочешь верить,
Так пойдем туда, посмотрим:
Правда это иль неправда!»

Вот выходят, чтоб увидеть

130 Эту ель с главой цветущей.

Впереди шел Вяйнямёйнен,

А за ним шел Ильмаринен;

И когда пришли на место,

На рубеж поляны Осмо,

135 Подошел кузнец поближе

Елкой той полюбоваться,

Где Медведица на ветках,

Ясный месяц на верхушке.

Молвил старый Вяйнямёйнен,

140 Он сказал слова такие:

«Полезай наверх, мой братец,

Чтобы взять там ясный месяц,

Снять Медведицу оттуда,

С золотой верхушки ели!»

145 Тут кователь Ильмаринен

Лезет высоко на елку,

На небесный свод стремится,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
¹⁵⁰ С золотой верхушки ели.
Ель его предупреждает,
Золотая елка молвит:
«Муж ты слишком простодушный,
Богатырь без всякой сметки!
¹⁵⁵ Лезешь ты, простак, на ветви,
Как ребенок на вершину,
Чтобы снять тот мнимый месяц,
Это марево созвездья».
Тотчас старый Вяйнямёйнен
¹⁶⁰ Начал петь с большою силой,
Чтоб поднялся бурный ветер,
Всколыхнулся б страшно воздух;
Сам сказал слова такие
И такие молвил речи:
¹⁶⁵ «Унеси его, о ветер,
На своей носи ты лодке,
Быстро мчи, чтоб он домчался
В Похьёлу, в страну тумана!»
Сильно буря зашумела,
¹⁷⁰ Разрывает страшно воздух,
Ильмаринена уносит,
Быстро мчит его оттуда
В Похьёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу.

175 Так понесся Ильмаринен,
Так спешит оттуда дальше,
По дороге ветра едет,
По стезе воздушной свежей,
Выше месяца, под солнцем,
180 Над Медведицей широкой.

Похъёлы во двор он въехал,
Прямо к бане Сариолы —
Псы его не услышали,
Брехуны не забрежали.

185 Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
На дворе сама стояла;
Говорит слова такие:
«Из каких мужей ты будешь,
190 Из числа каких героев?
По пути ветров пришел ты,
По стезе саней воздушной,
И не лаяла собака,
Не брехал брехун косматый».

195 Отвечает Ильмаринен:
«Не затем сюда пришел я,
Чтоб меня рвала собака,
Искусал брехун косматый
У дверей, мне незнакомых,
200 У входных ворот, мне чуждых».
Тотчас Похъёлы хозяйка
У пришельца вызнать хочет:

«Не знавал ли ты, быть может,
Или ты, быть может, слышал:

²⁰⁵ Ильмаринен есть кователь,
Он – кузнец весьма искусный?

Уж давно мы ожидаем,

Уж давно желаем видеть

В дальних северных пределах,

²¹⁰ Чтоб он выковал нам Сампо».

Отвечает Ильмаринен,

Говорит слова такие:

«С кузнецом знаком я, точно,

Ильмаринена я знаю:

²¹⁵ Я и есть тот Ильмаринен,

Тот кузнец весьма искусный».

Лоухи, Похьёлы хозяйка,

Редкозубая старуха,

Быстро в горницу уходит,

²²⁰ Говорит слова такие:

«Дочь моя, что всех моложе,

Всех детей моих прекрасней!

Нарядись получше нынче,

Выйди в платье понарядней,

²²⁵ Ты навесь прекрасный жемчуг,

Грудь укрась как можно краше,

Шею ты укрась поярче,

А височки попестрее.

О румянце щек подумай

²³⁰ Да о блеске глаз помысли!

Ведь кузнец-то вековечный,
Знаменитый Ильмаринен,
Прибыл выковать нам Сампо,
Крышку пеструю устроить».

²³⁵ Дочка Похьёлы, красотка,
Красота земли и моря,
Набрала получше платьев,
Понарядней из нарядов,
Их надела друг за дружкой,

²⁴⁰ Головной убор надела,
Медные взяла застежки,
Золотой прекрасный пояс.
Кладовую оставляет,
Со двора в избу проходит:

²⁴⁵ Красотой глаза блистают,
Вся она стройна, красива,
Все лицо ее сияет,
На щеках румянец алый,
На груди сверкает золото,

²⁵⁰ Серебро в кудрях блистает.
Тут и Похьёлы хозяйка
Ильмаринена проводит
Прямо в Похьёлы жилище,
В дом суровой Сариолы;

²⁵⁵ Кормит досыта пришельца
И дает довольно выпить,
Угощает превосходно
И слова такие молвит:

«О кузнец ты, Ильмаринен,
260 Вековечный ты кователь!
Ты сумеешь сделать Сампо,
Крышку пеструю сковать мне,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
265 От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив?
Ты тогда возьмешь в награду
За работу дочь-красотку».

Отвечает Ильмаринен,
270 Говорит слова такие:
«Я скую, конечно, Сампо,
Крышку пеструю украшу,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
275 От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив.
Я ведь выковал же небо,
Кровлю воздуху сковал я
Раньше всякого начала,
280 Раньше, чем что-либо было».

Вот идет ковать он Сампо,
Крышку пеструю украсить,
Просит места для кованья,
Ищет он вещей кузнечных;
285 Не нашел такого места,
Нет там кузницы, мехов нет,

Наковальни нет и горна,
Молотка и колотила.

И промолвил Ильмаринен,

²⁹⁰ Говорит слова такие:

«Сомневаться могут бабы,

Не кончают дел бедняги,

А не муж, хотя поплоше,

Не герой, хоть послабее!»

²⁹⁵ Ищет места для горнила,

Для мехов своих местечка,

Ищет в той стране обширной,

Ищет в Похьэле суровой.

Ищет день, другой день ищет,

³⁰⁰ Наконец, уже на третий,

Увидал он пестрый камень,

Увидал утес пригодный.

Там кузнец остановился,

Там огонь себе разводит.

³⁰⁵ В первый день мехи он ставит,

На другой день – наковальню.

Вот кузнец тот, Ильмаринен,

Вековечный тот кователь,

Все припасы бросил в пламя,

³¹⁰ Вещи нужные в горнило,

У мехов рабов поставил,

Чтоб огонь они раздули.

И мехи рабы качают,

Сильно угли раздувают;

315 Так три дня проводят летних

И без отдыха три ночи;

Наросли на пятках камни,

Наросли комки на пальцах.

Вот на первый день нагнулся

320 Тот кователь Ильмаринен;

Он нагнулся, чтоб увидеть

На пылавшем дне горнила,

Что из пламени там вышло,

Из огня что поднялося.

325 Лук из пламени явился

С золотым сияньем лунным;

Серебром концы блестели,

Рукоятка – пестрой медью.

Был по виду лук прекрасен,

330 Но имел дурное свойство:

Каждый день просил он жертвы,

А по праздникам и вдвое.

Сам кователь Ильмаринен

И не рад такому луку,

335 Пополам он лук ломает

И бросает снова в пламя,

Поддувать рабам велит он,

Им велит он дуть сильнее.

На другой день вновь нагнулся

340 Тот кователь Ильмаринен

Посмотреть, что получилось

На пылавшем дне горнила;

Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка – красный парус,
345 Борт весь золотом украшен
И уключины из меди.
Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шел в сраженье,
350 Без нужды на битву рвался.
Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался лодке:
Изломал ее он в щепки
И бросает лодку в пламя,
355 Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.
Вот на третий день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
360 На пылавшем дне горнила;
Из огня корова вышла,
У нее рога золотые,
Среди лба у ней созвездье,
Меж рогов сияет солнце.
365 Хороша корова с виду,
Но у ней дурное свойство:
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю.
Сам кователь Ильмаринен
370 Недоволен той коровой:

Режет в мелкие кусочки
И в огонь ее бросает,
Поддувать рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.

³⁷⁵ На четвертый день нагнулся

Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня там плуг выходит,

³⁸⁰ У него сошник из золота,
Стержень плуга был из меди
И серебряная ручка.

С виду был тот плуг прекрасен,
Но имел дурное свойство:

³⁸⁵ Он пахал поля чужие,
Бороздил соседний выгон.

Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался плугу:

Быстро плуг в куски ломает
³⁹⁰ И бросает снова в пламя,

Заставляет дуть он ветры,
Заставляет дуть он бурю.

Быстро ветры зашумели;
Дует западный, восточный,

³⁹⁵ Сильно дует ветер южный,
Страшно северный бушует;
Дует день, другой день дует,
Третий день бушуют ветры,

Из окошка вьется пламя,
400 Из дверей несутся искры,
К небу мчится туча гари,
Дым смешался с облаками.
Ильмаринен, тот кователь,
Вновь на третий день нагнулся
405 Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Видит: Сампо вырастает,
Крышка пестрая возникла.
И кузнец тот, Ильмаринен,
410 Вековечный тот кователь,
Стал тогда ковать скорее,
Молотком стучать сильнее
И выковывает Сампо,
Что муку одним бы боком,
415 А другим бы соль мололо,
Третьим боком много денег.
Вот уже и мелет Сампо,
Крышка пестрая вертится:
И с рассвета мелет меру,
420 Мелет меру на потребу,
А другую – для продажи,
Третью меру – на пирушки.
Рада Похьёлы старуха.
Понесла большое Сампо,
425 В гору Похьёлы относит,
Отнесла в утес из меди,

Что за девятью замками;
Корни Сампо там зарыла
В глубину на девять сажен,
⁴³⁰ И один шел корень в землю,
А другой – на берег моря,
Третий корень – в глубь утеса.
Все устроив, Ильмаринен
Кротко просит о девице,
⁴³⁵ Говорит слова такие:
«Ты отдашь ли мне девицу,
Ибо Сампо уж готово,
Крышка пестрая прекрасна?»
Дочка Похьёлы, красотка,
⁴⁴⁰ Так сама ему сказала:
«Кто же будет в год ближайший
И на будущее лето
Заставлять кукушку кликать,
Вызывать на пенье птичек,
⁴⁴⁵ Коль уйду в страну чужую,
Буду, вишня, на чужбине!
Если б курочка пропала,
Заблудился бы гусенок,
Если б красная брусничка —
⁴⁵⁰ Вишня-матушка ушла бы,
То исчезла б и кукушка,
Упорхнули б мигом птички
С высоты родимой горки,
Со спины холма родного.

455 Никогда на этом свете
Я не брошу дней девичьих,
Ни занятий, ни заботы
И страды не брошу летней:
Целой ягода б осталась,
460 И не полным песен берег,
Я не пройденным лесочек,
Не играла бы я в роще».
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
465 Клонит голову, печальный,
Шапка на сторону сбилась;
Хочет он теперь размыслить,
В голове он держит долго,
Как ему домой уехать,
470 Как страны родной достигнуть,
Из той Похьёлы туманной,
Из суровой Сариолы.
Молвит Похьёлы хозяйка:
«О кователь Ильмаринен!
475 Отчего такой ты грустный,
Сбил ты на сторону шапку?
Иль ты мучаешься думой,
Как бы родины достигнуть?»
Говорит так Ильмаринен:
480 «Да! К тому стремятся мысли,
Чтоб на родине скончаться,
Там найти покой последний».

Ильму Похъёлы хозяйка
Накормила, напоила,
485 На корму ладьи сажает,
К веслам, столь богатым медью,
Веять ветер заставляет,
Веять северный свой ветер.
Так кузнец тот Ильмаринен,
490 Вековечный тот кователь,
Едет к родине любимой
По потокам в синем море.
Едет день, другой день едет.
Наконец, уже на третий,
495 Он счастливо в дом приходит,
В те места, где он родился.
Молвит верный Вяйнямёйнен,
Ильмаринена пытается:
«Ильмаринен, брат мой милый,
500 Вековечный ты кователь,
Что же, выковал ты Сампо,
Изукрасил ли ты крышку?»
Отвечает Ильмаринен,
Молвит сам искусный мастер:
505 «Сампо новое уж мелет.
Крышка пестрая готова:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую – для продажи,
510 Третью меру – на пирушки».

Руна одиннадцатая

- 1. Лемминкяйнен отправляется свататься к девице из знатного рода Саари (1–110).*
- 2. Сначала девицы Саари насмеяются над ним, но вскоре близко знакомятся с ним (111–156).*
- 3. Только одну – Кюлликки, – ради которой он отправился, он не может покорить и тогда, наконец, похищает ее насильно, кладет в сани и отправляется в путь (157–222).*
- 4. Кюлликки плачет и больше всего огорчается воинственностью Лемминкяйнена; Лемминкяйнен обещает, что никогда не пойдет на войну, если Кюлликки тоже обещает никогда не бегать в деревню, и оба клянутся исполнить свои обещания (223–314).*
- 5. Мать Лемминкяйнена восхищается молодой невесткой (315–402).*

Скажем мы теперь про Ахти,

Про молодчика споем мы.

Ахти был островитянин,

Лемпи сын молодцеватый;

⁵ Вырастал в высоком доме,

Возле матери любимой,

На морском берегу у бухты,

У залива на мысочке.

Кауко рыбами кормился,

10 Окуней ловил подросток.
Стал потом он сильным мужем,
Расцветая красной кровью;
Был он обликом прекрасен,
Ростом также превосходен,

15 Но он был не без порока,
Жизнь он вел не без ошибок:
Очень был на женщин падок,
Все кругом ходил он ночью
Там, где женщины гуляли,

20 Где нарядные плясали.
Слышит – есть на Саари дева,
Как цветок, девица эта
Возросла в высоком доме.
Стройно вытянулась ростом,

25 У отца в жилище сидя
На скамейке задней низкой.
Шла молва о ней повсюду,
Женихи за ней являлись,
В дом за девицей-красоткой,

30 Ко двору за девой славной.
Солнце сватало сыночка,
Но нейдет в их дом девица,
Чтоб сиять бок о бок с Солнцем
И спешить за Солнцем летом.

35 Месяц ясный сына сватал,
В дом его не хочет дева,
Чтобы с Месяцем сиять там,

Круг воздушный пробегая.
С сыном Звездочка хлопочет,
⁴⁰ Но нейдет в страну их дева,
Чтоб блистать там долгой ночью,
Чтоб мерцать на зимнем небе.

Сваты с Виру приходили
И из Ингрии являлись:

⁴⁵ Никуда не хочет дева,
Всем – одно лишь отвечает:
«Золото вы зря не тратьте,
Серебро не отдавайте,
Я в Эстонию не выйду,

⁵⁰ Не пойду я, не хочу я
Там грести в эстонских водах,
Мерить волны по побережью,
Есть эстонскую там рыбу
И эстонскую ушицу.

⁵⁵ Я и в Ингрию не выйду
На печальное побережье:
Только голод там да холод,
Нет там дров и нет лучины,
Нет воды и нет пшеницы,

⁶⁰ Даже нет ржаного хлеба».
Но веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели,
Ехать все ж туда решился,
Саари девушку посватать,

⁶⁵ Эту славную невесту

С разукрашенной косою.

Мать его остерегает,

Отговаривает сына:

«Ты не сватайся, сыночек,

⁷⁰ К деве той, что выше родом:

Ведь тебя там не потерпят,

В роде Саари очень знатном».

Отвечает Лемминкяйнен,

Говорит так Каукомьели:

⁷⁵ «Пусть мой дом не знатен вовсе,

Пусть мой род не спорит славой,

Статью, удалью возьму я,

Силой, ловкостью поспорю».

Все же мать не позволяет

⁸⁰ Лемминкяйнену там сватать,

В роде Саари очень знатном,

В той семье весьма обширной:

«Засмеют тебя девицы,

Будут женщины смеяться».

⁸⁵ Отвечает Лемминкяйнен,

Не раздумывает долго:

«Оборву я смех у женщин

И хихиканье девичье:

Им наделаю детей я,

⁹⁰ Дам им на руки заботу;

Это кончит их насмешки,

Будет смеха заключеньем».

Молвит мать слова такие:

«Горе мне, несчастной, в жизни!

⁹⁵ Коль обидишь жен на Саари,
Оскорбишь девиц невинных,
Спор великий возгорится,
Битва страшная настанет,
Женихи, мужья на Саари

¹⁰⁰ Целой сотней, и с мечами,
Окружат тебя, несчастный,
Ты один не сладишь с ними».
Не послушал Лемминкяйнен
Материнского совета:

¹⁰⁵ Лошадь статную берет он —
Жеребца хорошей крови,
Скачет с шумом он оттуда
Прямо в поселенья Саари,
Сватать там тот Саари цветик,

¹¹⁰ Эту славную невесту.
Засмеялись жены в Саари,
Насмеваются девицы,
Как на улицу он странно
И во двор неловко въехал:

¹¹⁵ Опрокинул с бегу сани
И в воротах покачнулся.
Вылезает Лемминкяйнен,
Рот скривил, поник главою,
Бороду свою кусает.

¹²⁰ Говорит слова такие:
«Никогда того не видел,

И не видел, и не слышал,
Чтобы жены и девицы
Насмехались надо мною».

¹²⁵ Не раздумывал он долго,
Молвит им слова такие:
«Есть ли место здесь на Саари,
На равнинах этих саарских,
Где б я смог повеселиться,
¹³⁰ На поляне поплясать бы,
Саари девушек потешить,
С милыми повеселиться?»
Говорят девицы Саари,
Отвечают так с мысочка:

¹³⁵ «Много в Саари есть местечек,
Ровных мест в долинах саарских,
Где б тебе повеселиться,
На поляне поплясать бы.
Можешь быть ты пастушонком,
¹⁴⁰ Пастушонком на пожоге;
Дети в Саари сильно тощи,
Но зато здесь жирны кони».
Не раздумывает Ахти!

Стал он в Саари пастушонком:
¹⁴⁵ На лугу весь день проводит,
По ночам к девицам ходит,
С молодницами играет
И с нарядными он пляшет.
Так веселый Лемминкяйнен,

150 Молодец тот, Каукомъели,
Оборвал смешки красавиц,
Прекратил девиц насмешки:
Ни одной не миновало,
Ни одной из дев невинных,
155 Чтобы он ее не обнял,
Чтоб не переспал он с нею.
Но одна была меж всеми,
В роде Саари очень знатном,
Та, что сватов отсылала, —
160 И она отвергла мужа.
Это – Кюллиikki-цветочек,
Всех на Саари дев прекрасней.
Но веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
165 Истоптал сто пар сапожек,
Сотню весел изработал,
Все-то сватается к деде,
Возле Кюллиikki все ходит.
Кюллиikki, девица-цветик,
170 Говорит слова такие:
«Для чего ты ходишь, слабый,
Что по берегу шумишь ты,
Что ты сватаешь девицу
С оловянную застежкой?
175 До тех пор не выйду замуж,
Изотру покуда камень,
Раскрошу покуда пестик,

Растолку покуда ступку.
Не хочу тебя, плохого,
¹⁸⁰ Бедняка, такую тряпку;
Нужно мне стройнее мужа:
Ведь сама стройна я телом;
Нужно мне, чтоб был он статным:
Сложена сама я статно;
¹⁸⁵ Нужно мне, чтоб был красавцем:
Я сама лицом красива».
Мало времени проходит,
Лишь полмесяца минуло,
Как в один из дней прекрасных,
¹⁹⁰ Только сумерки настали,
Вышли девы веселиться,
В пляс красавицы пустились
На краю лесной лужайки,
На поляночке прекрасной.
¹⁹⁵ Кюллиikki ведет плясуний,
Цвет прославленный на Саари.
Удалец, цветущий жизнью,
К ним подъехал Лемминкяйнен.
На жеребчике он въехал,
²⁰⁰ На отборнейшей лошадке,
В середину самой пляски,
В хоровод девиц прекрасных.
Кюллиikki хватает быстро
И бросает деву в сани,
²⁰⁵ Положил ее на шкуру

И ко дну саней прижал он.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он ремнем сильнее,
Поскакал оттуда быстро.

²¹⁰ На скаку девицам крикнул:

«Никогда, нигде, девицы,
Вы меня не выдавайте,
Что сюда я к вам подъехал
И увез с собою деву!

²¹⁵ Коль не будете послушны,

Будет вам, девицы, плохо:
Я войну нашлаю заклятьем
На мужей, на парней ваших,
И ни днем, ни ясной ночью

²²⁰ Не услышите их больше,

Не пойдут они деревней,
По поляне не поедут!»

Кюликки печально молвит,

Просит с горечью цветочек:

²²⁵ «Отпусти меня на волю,

Ты из рук пусти ребенка;

К матери домой пойду я,

Обо мне она ведь плачет!

Если ж ты меня непустишь,

²³⁰ Чтобы я домой вернуласьь,

У меня пять братьев дома,

Семь сынов родного дяди,

По следам найдут зайчонка,

Отобьют назад девицу».

²³⁵ Но ее он не пускает,

Не дает уйти из санок.

Кюллиikki тут стала плакать:

«Ах, напрасно я родилась,

Зря я выросла, бедняжка,

²⁴⁰ Для того ли подрастала;

Мужу скверному попалась,

Я бездельнику досталась,

Что всегда готов на битву,

Может вечно злобно драться!»

²⁴⁵ Отвечает Лемминкяйнен,

Молодец тот, Каукомьели:

«Кюллиikki, цветочек сердца,

Мед мой, ягодка, красотка!

Ты оставь свои заботы!

²⁵⁰ Обижать тебя не буду:

Будешь кушать – обниму я,

А пойдешь со мной под ручку,

За руку со мной ты станешь, —

Ляжешь ты со мною рядом!

²⁵⁵ Ну к чему ты так горюешь

И вздыхаешь от печали?

Оттого ль ты так горюешь

И вздыхаешь от печали,

Что без пищи, без коровы

²⁶⁰ Я терплю нужду в запасах?

Так оставь свои заботы!

У меня коров довольно,
Молока дают мне много;
На болоте куманичка,
²⁶⁵ На пригорке земляничка,
В-третьих, клюква на полянке.
Хороши они без корму
И красивы без надзора;
Их не связывают на ночь,
²⁷⁰ Не развязывают утром.
Не кладут пред ними корму,
Им не сыплют утром соли.
Оттого ль ты так горюешь
И вздыхаешь от печали,
²⁷⁵ Что незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой?
Пусть незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой,
Но мой меч огнем пылает,
²⁸⁰ Пышет пламенем клинок мой.
Он, конечно, знатен родом
И родился в славном доме:
Злобным Хийси отшлифован,
У богов очищен ярко;
²⁸⁵ Им достану знатность роду
И моей семье величье, —
Тем мечом моим горящим
И клинком, дающим пламя».
И вздохнула тут девица,

290 Испугалась и сказала:
«Ахти! Лемпи ты сыночек!
Если хочешь взять красотку
Постоянную супругой,
Точно курочку в объятьях,

295 Поклянись мне вечной клятвой,
Что войны ты не затеешь,
Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился!»

Тут веселый Лемминкяйнен

300 Говорит слова такие:
«Я клянуся вечной клятвой,
Что войны я не затею,

Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился,

305 Но и ты клянись также
Не ходить гулять в деревне,
Как бы плясок ни желала
Иль играть ни захотела б!»

Так они клянутся клятвой

310 И залог дают навеки
Перед богом, что все видит,
Всемогущим властелином:
Ахти – позабыть про войны,
Кюллики – забыть про игры.

315 Тут веселый Лемминкяйнен
Жеребца кнутом ударил.
От стегнул его вожжами

И сказал слова такие:

«Ну, прощайте, луг на Саари,

³²⁰ Елей пни и корни сосен,

Где ходил я этим летом,

Где ступал я той зимою,

Где бродил дождливой ночью,

Вязнул в злую непогоду,

³²⁵ Эту курочку искавши,

Все за уточкой гоняясь!»

Поскакал конек веселый;

Скоро дом родной открылся.

И промолвила девица,

³³⁰ Речи молвила такие:

«Смотрит хижина дырявой

И голодную норою,

И, конечно, ей владеет

Человек, незнатный родом?»

³³⁵ Но веселый Лемминкяйнен,

Отвечая, так сказал ей:

«Не тужи об этом доме,

Не вздыхай об этом месте!

Я тебе других наставлю,

³⁴⁰ Краше комнаты построю

Из гораздо лучших бревен,

Из стропил на диво крепких».

Так приехал Лемминкяйнен,

В милый дом к себе вернулся,

³⁴⁵ Прямо к матери родимой,

Подошел к своей старушке.

Мать слова такие молвит,

Говорит такие речи:

«Что ты долго оставался,

³⁵⁰ Мой сыночек, на чужбине?»

Но веселый Лемминкяйнен

Ей сказал слова такие:

«Пусть теперь смеются жены,

И невинные девицы

³⁵⁵ Пусть теперь позубоскалят,

Похохочут надо мною, —

Взял я лучшую из всех их,

Посадил на коврик в сани,

Бросил я ее под полость,

³⁶⁰ Под меха швырнул поспешно.

Отплатил я за насмешки,

За хихиканье девичье.

Мать, ведь ты меня носила

И питала, дорогая!

³⁶⁵ Приобрел, чего желал я,

И достиг, к чему стремился.

Дай получше изголовье,

Дай помягче мне подушки,

Чтоб на родине уснул я

³⁷⁰ Рядом с юною девицей!»

Мать на это так сказала,

Речи молвила такие:

«Богу вышнему хваленье,

И хвала тебе, создатель!

³⁷⁵ Ты мне дал теперь невестку,

Мне огонь она раздует,

Будет ткать она прекрасно,

Скрутит нитки веретенцем,

И отлично постирает,

³⁸⁰ И холсты побелит славно!

Ты хвали судьбу, сыночек.

Ты устроился прекрасно.

Хорошо создатель сделал,

Он, отец, любовью полный:

³⁸⁵ Чист по снегу подорожник —

Зубки у невесты чище;

Хоть бела на море пена —

Нет пятна в роду девицы;

Хоть стройна на море утка —

³⁹⁰ Уточка твоя стройнее;

Ясны звезды в синем небе —

А красавица яснее.

Сделай, сын, полы пошире,

Окна выруби побольше,

³⁹⁵ Стены новые сложи ты,

Выстрой новые покои,

Перед горницей порожки,

Над порогом двери сделай,

Ведь цветок заполучил ты,

⁴⁰⁰ Захватил себе красотку,

Что тебя повыше родом

И знатней происхожденьем!»»

Руна двенадцатая

1. Кюллиikki забывает свою клятву и отправляется в деревню, что приводит в гнев Лемминкяйнена, решающего немедленно бросить ее и отправиться свататься к девице Похъёлы (1–128).

2. Мать пытается всячески удержать сына и предсказывает ему гибель; Лемминкяйнен, расчесывавший волосы, злобно бросает щетку и говорит, что когда из него потечет кровь, то кровь потечет и из этой щетки (129–212).

3. Он снаряжается, отправляется в путь, прибывает в Похъёлу и пением вызывает всех мужчин Похъёлы из жилищ; только одного злого пастуха он оставил без песни (213–504).

Ахти, юный Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауколайнен,
Все живет да поживает
Вместе с юною девицей.

⁵ На войну не ходит Ахти,
Кюллиikki нейдет в селенье.

Вот случилось однажды,
Рано в утреннее время
Вышел Ахти Лемминкяйнен

¹⁰ В те места, где рыбы мечут,
И под вечер не вернулся.

Тут, когда уж смерклось, ночью
Кюллиikki пошла в селенье,
Где все девушки плясали.

¹⁵ Кто расскажет это дело,
Принесет о том известье?
Айниikki, его сестрица,
Рассказала это дело,
Принесла о том известье:

²⁰ «Ахти! милый ты мой братец,
Кюллиikki пошла в селенье,
На село к чужим калиткам,
Где играют молодницы,
Где красавицы танцуют».

²⁵ Ахти, матери сыночек,
Тот веселый Лемминкяйнен,
Омрачился, обозлился;
Зол был Ахти всю неделю
И сказал слова такие:

³⁰ «Мать, старушка дорогая,
Постирай скорей рубашку
В яде черных змей ужасных,
Высуши ее скорее,
Чтоб я мог пойти сражаться

³⁵ В Похьёлу с ее сынами,
На поля сынов лапландских.
Кюллиikki ушла в селенье,
На село к чужим калиткам,
Где играют молодницы,

40 Где красавицы танцуют».

Кюллиikki ему сказала,
Быстро вымолвила слово:
«О возлюбленный мой Ахти,
На войну не отправляйся!

45 Только я вчера заснула,
Увидала сны такие:

Шел огонь, как из горнила,
Выбивалось сильно пламя
Под окошками у дома,

50 По краям стены высокой;
Ворвалось затем в покои,
Зашумело водопадом,
В потолок от пола билось,
От окошка до окошка».

55 Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:

«Женским снам совсем не верю,
Как не верю женским клятвам.
Мать, ведь ты меня носила!

60 Дай военную рубашку,
Дай кафтан мне для сраженья:
Страсть влечет меня на битву,
Пиво битвы буду пить я,
Мед отведаю сраженья».

65 Мать ему сказала слово:
«Милый Ахти, мой сыночек,
На войну не отправляйся!

Пиво есть у нас и дома,
Пиво есть в еловых бочках,
70 За дубовой втулкой бродит.

Для тебя все это пиво,
Пей его с утра до ночи».

Отвечает Лемминкяйнен:

«Не хочу я пива дома!

75 Лучше буду пить я воду,

Пить ее веслом смоленным:

Слаще этот мне напиток,

Чем вся брага в этом доме.

Дай военную рубашку,

80 Принеси кафтан для битвы!

В села Похьёлы пойду я,

На поля сынов лапландских,

Чтобы золото забрать там,

Серебро принести оттуда».

85 Говорит мать Каукомьели:

«Милый Ахти, мой сыночек!

Золота и дома много,

Серебро лежит в запасе.

Вот что здесь вчера случилось:

90 Рано в утреннее время

Раб пахал гадючье поле,

Запахал змеиный угол;

Сошником он поднял крышку,

В сундучке нашел монеты;

95 Были собраны там сотни,

Тысячи под крышкой были.
Внес находку в кладовую
И поставил под стропила».

Отвечает Лемминкяйнен:

¹⁰⁰ «Не нужна мне кладовая.

Серебро, что взято с бою,
Несравненно мне дороже,
Чем все золото, что дома,
Серебро, что взяли плугом.

¹⁰⁵ Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
В Похьёлу теперь пойду я
Избивать сынов лапландских.

Мне пришло одно желанье,

¹¹⁰ Я одну задумал думу:

Я хочу там сам услышать
И своим увидеть глазом,
Есть ли в Похьёле девица,
Дева в Пиментоле темной,

¹¹⁵ Чтобы мужа не хотела,
Жениха не пожелала».

Говорит мать Каукомьели:
«Милый Ахти, мой сыночек!

Кюллиikki твоя тут лучше,

¹²⁰ Всех жена твоя прекрасней.

Ведь чудно двух жен увидеть
На одной постели мужа».

Отвечает Лемминкяйнен:

«Кюллики в селенье ходит;
125 Пусть она, там поигравши,
По чужим домам ночует,
С молодежью веселится
И с красавицами пляшет!»
Удержать его мать хочет,
130 Остеречь его, старушка:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В села Похьёлы далекой,
Не ходи без чародейства,
Без премудрости могучей
135 К избам Похьёлы суровой,
На поля детей лапландских.
Запоет тебя лапландец,
Заклянет тебя турьянец,
По уста положит в угли,
140 В пламя голову и плечи,
В жаркую золу всю руку,
На камнях раскаленных».
Отвечает Лемминкяйнен:
«Чаровали чародеи,
145 Заклинали эти змеи.
Три лапландца собралися
На меня средь летней ночи;
Голы были на утесе,
Без одежд, без подпоясок,
150 Неприкрытые нисколько.
От меня они там взяли,

От меня там получили,
Что топор берет от камня,
Что на льду каблук стирает,
¹⁵⁵ Что буран берет с утеса
И что смерть в пустом жилище.
А в другой раз было лучше:
Дело шло тогда иначе.
Мне грозили заклинанья,
¹⁶⁰ Мне грозили их заклятья,
Что завязну я в болоте;
В том болоте, где бродил я,
Я попал уж было в тину,
По колено был в трясине
¹⁶⁵ И по бороду в грязи был;
Но я – муж других не хуже —
И тогда не пал я духом.
Стал я тотчас чародеем,
Сам я начал заклинанья.
¹⁷⁰ Я запел – и чародеи,
Те стрелки с своим оружием,
Те волшебники с ножами,
Те певцы с своею сталью,
Обратились водопадом,
¹⁷⁵ Ужасающей пучиной,
Самым злым водоворотом.
Пусть они себе там дремлют,
Колдуны пусть почивают;
Прорастут весною травы

180 Через головы и шапки,
Через плечи чародеев,
Через мясо на боках их,
Чародеев крепко спящих
И дремотою заклятых».

185 Все ж старушка запрещает
Каукомьели отправляться,
Сыну мать не позволяет,
Женщина героя просит:

«Не ходи отсюда, милый,
190 В те голодные селенья,
В Похьёлу, в страну тумана!

Там опасность угрожает,
Мужу бедному там страшно;
Там живет несчастье, Ахти;

195 Хотя ты будешь стоязычным,
Что несбыточно вовеки,
Все же ты не бросишь пеньем
Похьёлы сынов в пучину:

Языков их ты не знаешь —

200 Ни лапландцев, ни турьянцев».

Приделся Лемминкяйнен,
Развеселый Каукомьели,
Волосы свои он чешет,
Щеткой их усердно гладит.

205 Щетку он к стене бросает,
К косяку бросает, к печке,
Говорит слова такие

И такие речи молвит:

«Лишь тогда несчастье злое

²¹⁰ Лемминкяйнена постигнет,

Если кровь из щетки брызнет,

Если красная польется».

И пошел веселый Аhti

В Похьёлу, в страну тумана,

²¹⁵ Мать свою он не послушал,

Как она ни запрещала.

Снарядился, взял он пояс

И железную рубашку,

Он надел из стали пояс,

²²⁰ Говорит слова такие:

«Крепче будет муж в кольчуге,

Лучше в панцире железном,

В пояске стальном сильнее

Против этих чародеев;

²²⁵ В них ему не страшен худший

И сильнейший не опасен».

Он за меч тогда схватился;

Как огонь, тот меч рубился,

Был отточен он у Хийси,

²³⁰ У богов был отшлифован;

Меч себе повесил сбоку,

Спрятал в кожаные ножны.

Где же Аhti притаился,

Где герой укрылся смелый?

²³⁵ Он тихонько притаился,

Спрятался герой без шума
Под стропилами у двери,
Притаился у порога,
На дворе, у переулка,
²⁴⁰ У калиточки последней.

Там укрылся осторожно,
Быстро спрятался от женщин.
Но такая осторожность
Помогла герою плохо:

²⁴⁵ Должен он укрыться дальше
От толпы мужей могучих
На развилине дороги,
На спине холодной камня,
На болотной зыбкой почве,

²⁵⁰ У текущего потока,
У камней водопада,
При изгибе вод шумящих.
Тут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:

²⁵⁵ «Выходите вы с мечами,
Вечные земли герои,
Вы из глубины, меченосцы,
Лучники, из рек глубоких!
Лес, и ты иди с мужами,

²⁶⁰ Ты с своей толпою, чаща;
Старец гор – с своею силой,
Водяной ужасный Хийси,
Мать воды с своею мощью,

Старец вод с своей толпою;

²⁶⁵ Вы, из всех долин русалки,

Опененные потоком,

На защиту станьте мужа,

Как товарищи героя,

Чтобы стрелы чародеев

²⁷⁰ Острием мне не вредили,

Ни железные ножи их,

Ни стрелков оружие злое.

Если ж этого все мало,

Знаю я другое средство:

²⁷⁵ Обращусь, вздыхая, кверху,

К старцу вышнему на небо,

Где он правит туч грозою,

Облаками управляет.

О ты, Укко, бог верховный,

²⁸⁰ Ты, отец небесный древний,

Что беседуешь сквозь тучи,

Открываешься сквозь воздух!

Дай мне меч, огнем горящий,

В огненных горящий ножнах,

²⁸⁵ Чтоб опасность отвратил я,

Помешал бы я несчастью,

Победил бы чародеев

Из земли, из вод шумящих,

Тех, что станут предо мною,

²⁹⁰ Что останутся за мною,

И с боков, и надо мною,

И вокруг здесь соберутся, —
Чтоб заклял я чародеев, —
Чтоб с их стрелами, с ножами,
295 С их блестящими мечами
Я заклял мужей негодных». —
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели,
Тут позвал коня из леса,
300 Златогривого с поляны;
Жеребенка запрягает,
Ставит рыжего в оглобли
И тогда садится в сани;
Поместившись на сиденье,
305 Он коня кнутом ударил,
Узловатым лошадь хлопнул.
Быстро конь бежит оттуда,
Сани мчат, скрипят полозья,
И гудит песок серебристый
310 И равнина золотая.
Едет день, другой день едет,
Также едет он и третий,
Наконец, уже на третий,
На деревню он наехал.
315 Скачет быстро Лемминкяйнен,
Скачет быстро по дороге,
Нижней улицею едет,
Едет к нижнему строенью.
У столба остановился

320 И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Опустил бы мне оглобли
И хомут стащил с лошадки?»

325 На полу сидел малютка;
Так с порога мальчик молвил:
«Никого здесь нет в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Опустить твои оглобли

330 И хомут стащить с лошадки».
Не горюет Лемминкяйнен,
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он жгутом жемчужным,
Быстро мчится по дороге,

335 Едет улицею средней,
Едет к среднему строенью;
Стал под самым там навесом
И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,

340 Кто мои подержит вожжи,
Кто б сумел с груди и с шеи
Отвязать ремни искусно?»

С печки старая болтунья,
Со скамейки закричала:

345 «Да, найдется в этом доме,
Кто твои подержит вожжи
И гужи твои развяжет,

Спустит на землю оглобли,
Здесь найдешь мужей десятков,
³⁵⁰ Сотню целую, коль хочешь,
Что тебя отсель спровадят,
На проезд дадут лошадок
Да домой плута отправят,
В край родной плута дрянного,
³⁵⁵ На отцовскую скамейку,
В материнское жилище,
К самой братниной калитке,
К сестрам на пол, и доставят
Раньше, чем наступит вечер,
³⁶⁰ Раньше, чем здесь сядет солнце».

Не горюет Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
«Застрелить старуху нужно б,
Застрелить болтунью эту».

³⁶⁵ На коне спешит оттуда,
Гонит быстро по дороге,
Едет улицею верхней,
Едет к верхнему строенью.
Вот веселый Лемминкяйнен

³⁷⁰ Ко двору тому подъехал
И сказал слова такие,
И такие речи молвил:
«Хийси! ты зашей собаке,
Ты зашей ей, Лемпо, морду,
³⁷⁵ Удержи ей пасть от лая,

Ты сожми собаке зубы,
Чтобы лай не раздавался,
Если муж пройдет здесь мимо!»

Вот во двор туда вошел он,
³⁸⁰ По земле кнутом ударил:

Из земли туман поднялся,
И в тумане – человек.

Он лошадку рассупонил,
Опустил затем оглобли.

³⁸⁵ Сам веселый Лемминкяйнен

Слушать начал осторожно,
Чтоб никто его не видел
И никто бы не приметил.

С улицы он слышит песни

³⁹⁰ И слова сквозь конопатку,
Слышит музыку сквозь стенку,
Он сквозь доски слышит пенье.

Заглянул он внутрь тихонько,
Посмотрел тихонько в избу:

³⁹⁵ Колдунов полны покои.

С музыкой у стен сидели,

Громко пели чародеи,

Прорицатели – у двери,

Знахари же – на скамейках,

⁴⁰⁰ Заклинатели – на печке,

Множество лапландских песен,

Мудрые творенья Хийси.

Сам веселый Лемминкяйнен

Изменить свой облик хочет,

⁴⁰⁵ Изменяется в объеме,

Проникает он сквозь угол;

Он проходит внутрь строения,

Говорит слова такие:

«Лучше пенью с окончаньем,

⁴¹⁰ Покороче песнь приятней;

Лучше мудрость всю запомнить,

Чем порвать на половинки».

Тотчас Похъёлы хозяйка

Всполошилась, взволновалась,

⁴¹⁵ На середину пола стала,

Говорит слова такие:

«Прежде пес, бывало, лаял;

Этот пес, железный цветом,

Мясо, кости пожирает,

⁴²⁰ Свежей кровью запивает.

Из каких мужей ты будешь,

Из числа каких героев,

Что ты в горницу проходишь,

Проникаешь ты в жилище

⁴²⁵ Так, что пес тебя не слышал

И брехун не мог учуять?»

Отвечает Лемминкяйнен:

«Знай, что я сюда к вам прибыл

Не без знания и искусства,

⁴³⁰ Не без мудрости и силы,

Не без отческих заклиний,

Не без дедовских познаний,
Чтоб собаки не кусались,
Брехуны меня не рвали.

⁴³⁵ Мать моя меня купала,
Как я слабым был малюткой,
Летней ночью по три раза,
Девять раз осенней ночью,
Чтоб на каждой я дороге

⁴⁴⁰ Оградить себя мог пеньем,
Чтоб могуче пел я дома,
Колдуном был на чужбине».

Тут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели,

⁴⁴⁵ Начал грозные заклатья,
Заклинательные песни.

Полилось из шубы пламя,
И из глаз огонь струился,
Как запел тут Лемминкяйнен,

⁴⁵⁰ Как он начал заклинанья.

Он запел – и кто был лучшим,
Стал певцом совсем негодным;

Он набил им в рот каменьев,
В глотки им он вдвинул скалы,

⁴⁵⁵ Тем певцам, повсюду славным,
Знаменитым чародеям.

Он заклиал мужей тех гордых,
По местам раскинул разным:
На поляны без растений,

460 На невспаханное поле,
На безрыбные озера,
Где и окунь жить не может,
В водопад ужасный Руты,
В ту горящую пучину,
465 В тот поток, покрытый пеной,
Как камень, их поставил,
Чтоб они огнем горели,
Чтоб, как искры, там трещали.
И веселый Лемминкяйнен
470 Тех мужей заклил с мечами,
Тех героев с их оружием,
Стариков, а также юных,
Вместе с ними возраст средний;
Одного лишь не заклил он,
475 Только пастуха дрянного,
Только старого, слепого.
Этот старый, в мокрой шапке,
Говорит слова такие:
«О веселый Лемминкяйнен,
480 Всех заклил ты старых, юных,
Вместе с ними возраст средний,
Отчего ж мне дал пощаду?»
Отвечает Лемминкяйнен:
«Оттого я дал пощаду,
485 Что тебя и видеть жалко,
Скверен ты и без заклятий.
Ты, когда еще был молод,

Пастухом был самым злобным;
Деток матери ты портил,
⁴⁹⁰ И сестер родных срамил ты,
Лошадей всех перепортил,
Жеребят всех искалечил
По полям и по болотам,
По колеблющимся топям».

⁴⁹⁵ Но пастух тот в мокрой шапке
Был в обиде очень злобен;
Вышел из дверей наружу,
Через двор он вышел в поле,
К водам Туонелы помчался,
⁵⁰⁰ К бездне той реки священной.
Подждал там Каукомьели,
Лемминкяйнена там ждал он,
Как из Похьёлы обратно,
В дом родной к себе поедет.

Руна тринадцатая

1. Лемминкяйнен просит дочь у хозяйки Похъёлы, которая ставит ему условие, чтобы он достал лося Хийси (1–30).

2. Лемминкяйнен отправляется за лосем с хвастливыми словами, но вскоре, к своему огорчению, обнаруживает, что хвастовством лося не добыть (31–270).

Вот веселый Лемминкяйнен

Молвил Похъёлы хозяйке:

«Ты отдай мне дочь-девицу,

Дочь отдай свою, старуха,

⁵ Ту, что всех других прекрасней,

Ростом выше всех красавиц!»

Молвит Похъёлы хозяйка,

Говорит слова такие:

«За тебя я дочь не выдам,

¹⁰ Не отдам тебе девицу

Ни получше, ни похуже,

Ни повыше, ни пониже,

У тебя давно жена есть,

Привезенная хозяйка».

¹⁵ Отвечает Лемминкяйнен:

«Кюллики, жену, из дома

Выгоню к чужим в деревню,

На село к чужой калитке.
Здесь ищу жену получше;
²⁰ Ты свою отдай мне дочку,
Из толпы девиц красотку,
Из числа прекраснокудрых». Молвит Похъёлы хозяйка:
«Никогда я дочь не выдам
²⁵ За пустого человека,
За ничтожного героя.
Вот тогда проси ты дочку,
У меня цветочек сватай,
Коль поймашь Хийси лося
³⁰ На полянах дальних Хийси». Острие поспешно Ахти
Насадил на быстрый дротик,
Натянул и тетиву он,
Приготовил стрел для лука.
³⁵ Говорит слова такие:
«Насадил я быстрый дротик,
Заготовил стрел для лука,
Тетиву уж натянул я,
Остается мне немного —
⁴⁰ Позаботиться о лыжах». Тут веселый Лемминкяйнен
Пораздумал и размыслил:
Как бы сделать эти лыжи,
Из чего бы их устроить?
⁴⁵ К дому Кауппи тут идет он,

В кузню к Люлиikki он входит:

«О ты, мудрый Вуоялайнен,

Ты, кузнец лапландский лучший!

Сделай мне две славных лыжи,

⁵⁰ Отстругай их мне поглаже,

Чтоб поймал я Хийси лося

На поляне злого Хийси».

Люлиikki в ответ промолвил,

Кауппи тут решает быстро:

⁵⁵ «Зря идешь ты, Лемминкяйнен,

Зря идешь за Хийси лосем, —

Ведь при всем своем старанье

Ты лишь пень гнилой получишь».

Не горюет Лемминкяйнен!

⁶⁰ Говорит слова такие:

«Ты мне только сделай лыжи.

Чтоб они готовы были.

А уж я поймаю лося

На поляне дальней Хийси».

⁶⁵ Люлиikki был мастер в деле,

Кауппи тот искусен в лыжах,

Вырезает лыжи в осень,

Их обтачивает в зиму,

День один строгает палку,

⁷⁰ День другой – кольцо упора.

Лыжа левая готова,

Лыжа правая за нею,

Приготовлены и палки,

И приложены к ним кольца,

⁷⁵ И ценою палка с выдру,

А колечко – с лисью шкуру,

Жиром лыжи он намазал,

Мажет их оленьим салом;

Сам в уме он держит думу,

⁸⁰ Говорит слова такие:

«Суждено ль кому из юных,

В подрастающем народе,

Этой левой лыжей двигать,

Также двигать лыжей правой?»

⁸⁵ Молвил юный Лемминкяйнен,

Удалец, цветущий жизнью:

«Да, один из этих юных,

Из растущего народа,

Будет левой лыжей двигать,

⁹⁰ Будет двигать также правой».

На спине колчан приладил,

Положил свой лук на плечи,

Захватил он в руки палку;

Начал двигать левой лыжей,

⁹⁵ А за нею также правой,

Говорит слова такие:

«Не найдется в божьем мире,

Под небесным этим сводом

И под этими ветвями

¹⁰⁰ Ни один четвероногий,

Кто не мог бы быть настигнут,

Не достался бы в добычу
Сыну Калевы младому,
Лемминкяйнену на лыжах».

¹⁰⁵ Слышат это люди Хийси,

Ютас эти речи слышит;
Создает тут лося Хийси,
Ютас делает оленя:

Голову из пня гнилого

¹¹⁰ И рога из веток ивы;

Вместо ног – тростник прибрежный,

Из болотных трав – колени,

Из жердей – спина у лося,

Из сухой соломы – жилы,

¹¹⁵ А глаза – цветок болотный,

Из цветов озерных – уши,

Из коры сосновой – кожа,

Из бревна гнилого – мясо.

Наставлял тут Хийси лося,

¹²⁰ Говорил слова такие:

«Ты беги, мой лось прекрасный,

Благородный лось, стремися

На места, где много лосей,

На поля сынов лапландских.

¹²⁵ Пусть побегает изрядно,

Попотеет Лемминкяйнен!»

Хийси лось тогда помчался,

Побежал олень прекрасный

Мимо Похьёлы амбаров,

130 По полям сынов лапландских,
Опрокинул он кадушку,
На огонь котел он сбросил,
Мясо вывалил в золу он,
На очаг похлебку вылил.

135 И поднялся шум ужасный
На полях сынов лапландских;
Стали лаять их собаки,
Дети стали громко плакать,
Жены принялись смеяться,

140 Зароптали все лапландцы.
Сам веселый Лемминкяйнен
Лося Хийси догоняет
По земле и по болотам,
Нескончаемым полянам:

145 Из-под лыж огонь стремится,
Из-под палки дым выходит,
Только лося все не видно,
Все не видно и не слышно.
Мчит лесами, городами,

150 Мчится по заморским странам,
По дремучим дебрям Хийси,
Через все поляны Калмы,
Перед самой пастью смерти,
Пред самым жилищем Калмы.

155 Смерть уж пасть свою открыла,
Калма голову склонила,
Чтоб схватить того героя,

Проглотить там Каукомьели:

Не смогла его похитить,

¹⁶⁰ Не смогла его настигнуть.

Лишь в одном местечке не был,

Лишь туда зайти осталось,

В дальних Похъёлы угодьях,

На больших лапландских землях.

¹⁶⁵ Он зашел и в то местечко,

Заглянул и в этот угол.

До конца угла доехал,

Слышит: с Похъёлы окраин

Шум ужасный раздается

¹⁷⁰ На полях сынов лапландских:

Заливаются собаки,

Плачут дети у лапландцев,

Громко женщины смеются.

А мужья-лапландцы ропщут.

¹⁷⁵ Тут веселый Лемминкяйнен

Поворачивает лыжи,

Едет он на лай собачий,

На поля сынов лапландских.

И, приехавши, сказал он,

¹⁸⁰ Так спросил, остановившись:

«Что тут женщины смеются,

Отчего тут дети плачут,

Люди старые горюют,

Лают серые собаки?»

¹⁸⁵ «Оттого смеются жены,

Оттого тут плачут дети,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки,
Что пронесся лось тут Хийси,
¹⁹⁰ Простучал копытом гладким;
Опрокинул лось кадушку,
На огонь котел он сбросил;
Наше варево он вылил,
На огонь похлебку пролил».

¹⁹⁵ Слышит это плут веселый,
Молодец тот, Каукомьели,
Лыжу левую подвинул,
Как гадюку по пожогу;
Он скользнул болотной елью,
²⁰⁰ Как живой змеей, по снегу,
Сам, скользя, промолвил слово,
Так сказал, держась за палку:
«Ну, теперь лапландец каждый
Принесет мне тушу лося;

²⁰⁵ Может каждая лапландка
Здесь котел почище вымыть;
Из детей лапландских каждый
Насбирать мне может щепок;
И котел лапландский каждый
²¹⁰ Может здесь сварить мне лося!»
Все свои напруг он силы,
Подался вперед, понесся;
В первый раз он лыжей двинул

И исчез из глаз тотчас же;
215 Во второй раз лыжей двинул —
И его не слышно стало;
С третьим разом попадает
Прямо на спину он к лосю.
Вот схватил он кол кленовый,
220 Из ветвей березы вязку,
Чтоб связать покрепче лося,
За плетень свести дубовый:
«Тут побудь теперь, лось Хийси,
Тут постой, скакун свирепый!»
225 По спине он лося гладит,
Треплет ласково по шее:
«А с меня уже довольно,
Отдохнуть теперь могу я
Рядом с юною девицей,
230 С этой курочкой растущей!»
Хийси лось приходит в ярость,
Дико начал выбиваться,
Говорит слова такие:
«Пусть тебе поможет Лемпо
235 Полежать с девицей юной,
Провести с ней время вместе!»
Лось уперся, понапрягся,
Рвет он вязку из березы,
Кол кленовый он ломает,
240 Валит он плетень дубовый.
Убегает лось оттуда,

Устремляется поспешно,
По полям и по болотам,
По горам лесистым мчится
²⁴⁵ Так, что глазом уж не видно
И совсем не слышно ухом.
Тут молодчик омрачился,
Опечалился веселый,
Стал свирепым и сердитым,
²⁵⁰ Мчится он за Хийси лосем;
Дал один толчок ногою, —
В яме вдруг застряла лыжа,
И ремень на лыже лопнул,
А другой ремень на пятке,
²⁵⁵ Ручка дротика сломалась,
И конец сломался палки.
Хийси лось вперед умчался,
И опять его не видно.
Грустно смотрит Лемминкяйнен,
²⁶⁰ Опустил главу печально,
Видит сломанные вещи,
Говорит слова такие:
«Пусть никто в течение жизни,
Пусть никто из всех на свете
²⁶⁵ Не стремится в лес упрямо
За негодным Хийси лосем,
Как стремился я, несчастный:
Я совсем испортил лыжи,
Поломал в лесу я палку

270 И согнул в лесу свой дротик!»

Руна четырнадцатая

1. Обычными охотничьими заклинаниями и мольбами Лемминкяйнен наконец добывает лося и увозит в Похъёлу (1–270).

2. Вторым условием ему велят укротить огнедышащего коня Хийси, которого он обуздывает и пригоняет в Похъёлу (271–372).

3. Третьим условием – велят застрелить лебедя на реке Туони. Лемминкяйнен приходит на реку Туони, там его поджидает обойденный им в песне пастух, который убивает его и бросает на порог Туони. Сын Туони разрубает тело Лемминкяйнена на куски (373–460).

Вот веселый Лемминкяйнен
Так подумал и размыслил:
По какой свернуть дороге,
Путь какой тут выбрать лучше —
⁵ Или бросить лося Хийси,
Самому домой вернуться,
Иль еще раз попытаться
Поохотиться за лосем
Матери лесов на радость,
¹⁰ Девам бора на отраду?
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

«О ты, Укко, бог верховный!

Укко, ты отец небесный!

¹⁵ Сделай мне получше лыжи,

Дай ты им большую скорость,

Чтоб на них я мог промчаться

По земле и по болотам

Прямо в край далекий Хийси,

²⁰ В Похъёлу, в поля большие,

За чудесным лосем Хийси,

По следам красавца-лося!

Вот иду я в лес дремучий,

Без героев на работу

²⁵ По дороге Тапиолы

Мимо Тапио жилища.

Мой поклон вам, горы, выси,

Вам, леса прекрасных елей,

Вам, осиновые рощи,

³⁰ Также тем, кто к вам приветлив!

Пропустите, лес, пустыня;

Тапио, будь благосклонен,

Пропусти на горы мужа,

Дай пройти мне по болотам,

³⁵ Чтоб поймать мою добычу,

Получить мою награду!

Нюрикки, сын Тапиолы,

Муж чудесный в красной шапке!

Сделай метки по дороге,

⁴⁰ На горах поделай меток,

Чтобы шел я, глупый, прямо,
Чтобы верный путь нашел я,
Тут гоняясь за добычей
И охотясь за наградой.

⁴⁵ Миэликки, ты, мать-старушка,
Леса чудная хозяйка,
Разбросай свое ты золото,
Серебро свое рассыпь здесь
Перед мужем, что блуждает

⁵⁰ По следам, по всяким ямкам!
Ты возьми ключи золотые
С твоего кольца на чреслах,
Тапио амбар открой ты,
Поищи в лесных палатках,

⁵⁵ Здесь пока я жду добычи,
За охоту жду награды!
Если ж ты сама не хочешь,
Ты пошли своих служанок,
Ты пошли своих прислужниц,

⁶⁰ Прикажи ты подчиненным!
Что ж ты будешь за хозяйка,
Если слуг ты не имеешь,
Если сотни нет прислужниц,
Если тысячей не служат,

⁶⁵ Чтоб спасти стада лесные,
Чтоб заботиться о дичи?
Дева, Тапио служанка,
Сладкогласная девица!

Ты пойдй с медовой дудкой!

⁷⁰ Посвисти свирелью сладкой

Пред великой госпожою,

Пред хозяйкой леса дивной;

Ты ей дашь услышать звуки,

Ото сна ее пробудишь —

⁷⁵ Ведь она совсем не слышит,

Сна досель не покидает.

Умоляю неотступно,

Золотой язык тревожу!»

Развеселый Лемминкяйнен

⁸⁰ Так, все время без добычи,

По лесам он пробегает,

По полям и по болотам,

К угольным высотам бога,

К угольной поляне Хийси.

⁸⁵ День скользит он, и другой день,

Наконец, уже на третий,

Подошел к горе великой,

На утес великий вышел;

Бросил взоры он на север,

⁹⁰ Посмотрел через болото:

Видит Тапио жилище,

Двери золотом блистают,

Блеск идет через болота,

Через гору, чрез кустарник.

⁹⁵ Тут веселый Лемминкяйнен

С своего уходит места,

Приближается к жилищу,
К окнам Тапио подходит.
В ожиданье там укрылся,
¹⁰⁰ Под шестым присел окошком:
Там дающие даянья
Злаков матери сидели
В самых будничных одеждах,
В самых рваных, грязных платьях.
¹⁰⁵ Так промолвил Лемминкяйнен:
«Что сидишь, хозяйка леса,
В самой будничной одежде,
В самом рваном, грязном платье?
На тебя смотреть мне стыдно —
¹¹⁰ Так чудна твоя наружность;
Далеко ты не прекрасна
С огрубевшим, грязным телом.
Как блуждал я этим лесом,
Три дворца в лесу нашел я:
¹¹⁵ Костяной и деревянный,
Третий был дворец из камня;
Шесть золотых прекрасных окон
Были там на каждой стенке.
Посмотрел я сквозь окошко
¹²⁰ И увидел, притаившись,
Тапио, владыку леса,
Видел дочь его, хозяйку,
Теллерво я там заметил,
Весь народ лесной увидел:

125 Все они шумели златом,
Серебром они звенели;
А сама хозяйка леса,
Подающая отраду,
В золотом была браслете,
130 В золотых на пальцах кольцах;
Головной убор из злата,
В волосах золотые ленты,
А в ушах золотые серьги
И на шее крупный жемчуг.

135 Милая хозяйка леса,
Ты, медвяная старушка!
Сбрось соломенные туфли,
Сбрось ты лапти из бересты,
Сбрось противные лохмотья,
140 Сбрось рабочую рубашку;
Платье радости возьми ты
И рубашку понарядней,
Здесь пока хожу я лесом
В поисках своей добычи!

145 Сильно я в лесу скучаю;
Омрачился оттого я,
Что хожу здесь понапрасну
И все время без добычи;
Обещай ее доставить,
150 Чтоб немного отдохнул я;
Так печально долог вечер,
Долог день, коль нет добычи.

Дед лесов седобородый.

Мох – твой плащ, а хвоя – шапка!

¹⁵⁵ Затяни леса в полотна,

Облеки одеждой рощи,

Покрывало дай осинам,

Платье мягкое дай ольхам,

Серебром покрой ты сосны,

¹⁶⁰ Ты рассыпь по елям золото,

Опояшь ты сосны медью,

Серебром лесные сосны;

Пусть цветет береза золотом,

Дай на ствол ей погремушки;

¹⁶⁵ Сделай, как в былое время;

Дни тогда получше были:

Точно солнце, ель блестела,

И сосна – как будто месяц,

Медом пахло по лесочку,

¹⁷⁰ Медом пахло в синей роще,

Пахло пряным на поляне,

У болот стекало масло!

Дочка Тапио, девица,

Тулиikki, царевна леса!

¹⁷⁵ Пригони ты дичь к опушке,

К протянувшимся полянам;

Коль она бежать не хочет,

Коль сюда пойдет лениво,

От куста возьми ты хлыстик,

¹⁸⁰ Хлыст березовый в долине,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.